

3

Сказки

мегаполиса

Марина Зосимкина

Обратный счет

16+

ЖЕНСКИЙ ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ РОМАН

Сказки мегаполиса

Марина Зосимкина

Обратный счет

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Зосимкина М.

Обратный счет / М. Зосимкина — «ЛитРес: Самиздат»,
2014 — (Сказки мегаполиса)

Обретение вечной молодости и красоты за счет жизненной энергии, полученной от молодых и сильных – что это, глупая «страшилка», темная магия или удивительное достижение науки? Для Надежды Киреевой это стало ужасной реальностью: ее родственницу, клиентку престижного медицинского центра, подозревают в немотивированном убийстве молодой женщины. Но разговор с дьяконом, служащим в храме по соседству с медцентром, наводит Надежду на мысль о том, что кому-то третьему выгодно вводить в заблуждение следствие, маскируя гонкой за молодостью гораздо более коварные и тяжелые преступления...

© Зосимкина М., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Осень не бывает золотой? А ты забей.

Кирилла Николаевича избили и ограбили. Зверски и цинично. Он неторопливо шел через выстуженную длинную арку, ведущую в неухоженный замоскворецкий двор, окруженный двух-, трех- и четырехэтажными, еще начала двадцатого века, с узкими бойницами вместо окон доходными домами, как несколько то ли состарившихся подростков, то ли жилистых и мелких мужиков налетели на него и принялись деловито и сноровисто избивать. Молча, энергично, слаженно. Стопка зеленых денег вместе с бумажником перекочевала в вонючий карман одного из них, туда же последовал совсем новый смартфон и еще что-то уже по мелочи, и, попинав напоследок грязными кроссовками Кирилла в бок, банда растворилась в сумерках Щипковского переулка.

Подонки здорово отделали ему фасад, нос сломали, выбили два зуба, но еще и ребрам досталось, и кажется, мозги тряхануло, когда его смачно ткнули в старую кирпичную кладку тоннеля. Ткнули так, что сырая штукатурка посыпалась вниз, попав ему за воротник.

Кирилл кое-как поймал тачку, а добравшись домой, вызвонил с работы сына. Конечно, сына, не жену же. Только ее причитаний не хватало. Срочно приехавший Андрюха уперся и вызвал неотложку. И доставил сюда, снабдив зубной щеткой, тапочками и старым мобильником. Он прав был, конечно, но так не хотелось всей этой суеты... И с финансами еще проблема. Что ж, придется жене раскошелиться, ничего не поделаешь. Она, конечно, привыкла жить за его счет, но в некоторых ситуациях нужно уметь наступить на свою скаредность. Кириллу теперь пластику лица надо делать, как его там?.. Ринопластика, что ли. И зубы ставить. Не пластмассу же, елы-палы. А денег-то нет. Кирдыкнулись денежки. Кто бы подсказал, не ходил бы он там сегодня. Но не подсказали.

– Так я здесь и оказался, – морщась от боли, проговорил Кирилл Николаевич, завершая историю своих злоключений.

– Дела, – глубокомысленно протянул сосед по койке справа, по внешнему виду – инженер с бюджетного производства, мечтающий о ранней пенсии.

– Да что же это за жизнь такая! Простому человеку ступить негде, уголовники шныряют повсюду! Куда только полиция смотрит?! – привычно взъярился сосед напротив.

– И на сколько же тебя, братан, нагрели? – поинтересовался коротко стриженный третий сосед, а второй тут же заткнулся.

– Супруге на шубу копил, – не сдержав горестного вздоха, качнул головой Кирилл Николаевич. – На норковую. Она мечтала.

О! Вот и жена звонит, легка на помине. Вот мы ее и разжалобим. А пусть распотрошит один из счетов, не обеднеет.

– Аллë! – вскричала Надежда в трубку. – Кирюшка, что случилось? Как ты? Я к тебе сейчас приеду! Что привезти?

Кирилл откинулся на подушку.

– Ничего не надо, ласточка, спасибо. Ты всегда так обо мне беспокоишься... Ну ничего. Ну точно. Ну можешь минералочки. Есть все равно не могу, больно. Ну как, как? Что ты странные вопросы задаешь?.. Голова кружится, тошнит. Ну где ж теперь этих подонков найдешь? Да ну какая полиция, какая полиция?.. И сигарет не забудь. Что значит, нельзя? Мне без сигарет нельзя!

Надежда немного успокоилась. Раз просит сигарет, значит, жить будет.

– Кирюш, а где ты машину бросил?

– А что? Зачем тебе? – раздраженно спросил Кирилл.

– Как зачем? – не поняла его Надежда. – Забрать же надо. Мне Андрейка сказал, что ты на частнике домой добирался. А машина где?

– Машина недалеко от того места, – сдержанно произнес Кирилл. – Я припарковался и пошел к бизнес-центру. У меня там переговоры должны были быть сегодня, да какая разница! Ты все равно не поймешь, а объяснять долго!

– Что я не пойму, Кирилл? – чуть холоднее спросила Надежда.

– Короче, не важно, где машина, – отрезал он. – Ты лучше приезжай давай, а то муж в больнице, а она время тянет. И сигареты привези, у меня три штуки осталось.

– Я приеду, приеду, не волнуйся, – и в ее голосе зазвучал легкий металл.

– Кирилл, где машина, отвечай быстро.

– Ну, зачем тебе, Наденька? – заканючил примирительно муж. – Водить ты все равно не умеешь. Ключи я посеял. Видимо, выпали, когда... Ну ты понимаешь.

– У меня запасные есть, – спокойно ответила Надежда. – А отогнать ее я кого-нибудь попрошу. Я слушаю. Говори. Если не хочешь без сигарет остаться. Надежда Михайловна торопливо натягивала сапоги.

– Девочки, мне отлучиться надо. Примерно на часик. Если кто спросит, я на мобильном. Если из руководства спросят, скажите, что форс-мажор в семье, потом все объясню.

Девочки – Оксана беленькая и Оксана черненькая – приторно улыбнулись, слаженно кивая. Они не любили начальницу. Впрочем, она не навязывалась. В подчиненных у Киреевой была как-то приятельница, почти подруга, просто не разлей вода. С тех пор Надежда усвоила, что дружба между начальницей и подчиненной – вредный миф.

Надежда Михайловна возглавляла патентный отдел на «Микротроне» уже лет шесть. И по-видимому, ее карьере приходил конец. Киреевой, закончившей в свое время Бауманку и даже успевшей до перестройки поработать по инженерной специальности, теперь вряд ли удастся найти достойную работу, разве что курьером или расклейщиком объявлений. Научно-техническая корпорация, в которой Надя состояла на службе, недавно преобразовалась в торгово-промышленный холдинг, в котором новых разработок почти не предусматривалось, а для оформления патентов на изредка случающиеся инновации держать свой штат глупо. Их главный дураком не был.

Надежда не была молодым специалистом. Она была специалистом зрелым. Сорокадевятилетним зрелым специалистом без диплома патентоведа в качестве аргумента. Любая девчонка, вчера окончившая новомодный университет, один из тех, что за последние годы вылупились, как грибы после дождя, обойдет ее на собеседовании только потому, что она девчонка, и также потому, что предъявит эйч-ару новенькие корочки. Такие дела.

Однако что за история случилась с Кириллом? К его сказкам она давно притерпелась и не морщась проглатывала любую туфту. Но тут дело касалось ее машины, Надиной машины, поскольку с самого начала семейной жизни автомобиль в их семье покупался на Надежду, а муж Кирилл ездил по доверенности. И прежде чем доставить ему к больничной койке «Ессентуки» и

«Кэмел», она решила проделать небольшой крюк и убедиться, что с ее имуществом все в порядке.

Так, собственно, оно и было. Имущество глянцево блестело в глубине старомосковского двора, впритирочку припаркованное к бордюрным камням кособокого тротуара. Это заставило Надежду призадуматься, поскольку картина происшедшего логически не прорисовывалась. Вот ее «ауди», а во-о-он там, не меньше, чем метрах в тридцати, темнеет арка подворотни. Зачем, позвольте поинтересоваться, понадобилось Кириллу туда возвращаться? Ведь именно там его настигли грабители?

Кстати, никакого здания, похожего на бизнес-центр, в этом глухом дворе не было. И в соседних дворах тоже. И по всему переулку. Хотя, возможно, таким пышным и звучным словом именовали какую-нибудь развалюху ее тщеславные хозяева?

– Эй, мадам, отойдите-ка от машины! – услышала Надя резкий окрик и сообразила, что «мадам» – это она.

Надежда повертела головой и увидела насупленного дядьку в куртке нараспашку и полосатой шапке «петушок», который решительными шагами направлялся в ее сторону.

– Оглохли? Я к вам обращаюсь. А ну давайте, валите отсюда! Нечего тут...

– Но это моя машина, милейший, – улыбнулась ему Надежда, вовсе не обидевшись ни на тон, ни на обороты речи.

– А вот не гони, – отрезал мужик. – Кто ее хозяин я знаю. И понятия знаю. Уж коли подвязался присмотреть, то присмотрю. Я человек честный и за просто так деньги брать не буду.

– Я тоже знаю, кто ее хозяин. Он хозяин, а я хозяйка. Смотрите, что у меня есть. С этими словами Надежда достала из сумочки пластиковый файл с ксерокопией техпаспорта на машину и свой паспорт тоже достала.

– Ну что ж, это другое дело, – сказал мужик, сдвинув шапку на затылок, – Забирайте. Вижу, что ваша.

– То есть вы тут сторож?

– Какой я тебе сторож?! – возмутился дядька. – Я художник, матрешек раскрашиваю, на Вернике по выходным продаю. Но если попросят, почему бы за автомобилем не присмотреть? Такое время сейчас, на минуту оставить нельзя, в момент колеса снимут или неприличное слово нацарапают. Тем более, что Кирилл Николаевич ко мне и по другим делам обращается.

– А по каким еще делам обращается к вам Кирилл Николаевич? – вкрадчиво спросила Надежда, заглядывая в расшитый бисером кошелечек. Кирилл на фоне белой больничной наволочки выглядел даже хуже, чем она себе представляла. Здорово его отделали. Поделом. Тем не менее рожи корчит. Пока он еще не знает, что она знает, вот и строит оскорбленную морду. Вчера Надежда так и не попала к нему в больницу. Могла, наверно, приехать, но не захотела. То, что она узнала от свободного художника Геннадия, присматривавшего за ее машиной, не особенно удивило, но осадок оставило чрезвычайно гадостный.

Геннадий время от времени сдавал квартиру ее благоверному. По запросу, так сказать. По требованию. Мог на сутки, мог на двое, иногда благоверному хватало и нескольких часов. Естественно, что не только ему одному сдавал, имелись и другие... нуждающиеся. Геннадию в жизни повезло,

тетка покойная оставила по завещанию свою однушку. Хорошее подспорье, матрешками-то не прокормишься. Сам он проживал на том же этаже, только в соседнем подъезде.

А сегодня, как раз после обеда, произошел такой вот нехороший случай.

Вломились к Кириллу Николаевичу какие-то отморозки, не успел Николаич в квартиру войти, как вломились, ну и отделали. Сколько их было, свободный художник не в курсе, но однако отметилили конкретно, по самое не хочу.

Сначала раздавались крики всякие, возня, затем грохот послышался. Геннадий мало что разобрал через стенку, однако понял, предьява Николаичу была из-за бабы.

А самой бабы там не было, не входила баба в подъезд, это Гена отследил визуально, посредством кухонного окна. А поскольку отслеживал бабу, то какие мужики входили, он внимания не обратил. Кто-то, конечно, входил, но кто именно, он не запомнил. Немного погодя, когда за стеной поутихло, сам Николаич вышел побитый. Пошел тачку ловить, поскольку на своей ехать не решился, голова у него кружилась, да и болело все. А Геннадия, который выбежал из своего подъезда, попросил за машиной присмотреть и денег дал тыщонку.

Надежда квартиру осмотрела. Геннадий сказал, что тут было все перевернуто, а стул так вообще сломан, и намекнул, что не помешала бы некая компенсация. Надя мельком взглянула на него, и он заткнулся. В глаза ей бросилась коробка конфет-ассорти и небольшая фляжка коньяка – без форсу, так себе, средненько. Видимо, уже не новая барышня. И ключи от автомобиля нашлись тоже, на тумбочке в прихожей.

Не было, выходит, никаких грабителей-троллей, и через арку Кирилл не проходил. Вот прямо тут, в этих стенах, он и схлопотал от конкурента. Интересно, кто его решил проучить? Брошенный любовник или рогатый муж? По Надиной статистике, Кирилл предпочитал водиться с дамами замужними, поскольку имел заблуждение, что с ними проблем будет меньше, в загс не потянут. Действительно, сильно заблуждался Кирюша. Обиженный муж тоже может стать большой проблемой.

Она вспомнила про деньги, которые у Кирилла отобрали мифические бандиты и поняла, что даже историю собственного позора он решил припахать к вящей выгоде, списав их на боевые потери. Куда в действительности исчезла немалая сумма, думать ей уже не хотелось, тем более что ответ болтался на поверхности.

И о чем теперь с ним разговаривать? Продолжать строить дурочку, неизвестно какую цель преследуя? Нет, ну действительно, зачем? Стоит оно того? Если из-за сына, то Андрей уже вырос и мало интересуется жизнью предков, да и что в ней, в этой жизни, может быть, с его точки зрения, серьезного? Вялотекущая старость и смешные разборки у телевизора в виде споров, что нынче будем смотреть?

Когда Андрея родился, Надя столкнулась с обидной

несправедливостью семейной жизни. Муж сразу начал задерживаться после работы, иногда за полночь возвращаясь домой, пьяным и беззаботным.

Надя искренне не понимала, как же так? Они так хотели ребенка, вот он, твой ребенок, а тебя не тянет домой? И ты мне даже не поможешь? Мне трудно одной справляться, ты не понимаешь?

Помочь больше было некому. Ее мама жила в другом городе и очень

плохо себя чувствовала – больное сердце. Мать Кирилла умерла, когда тот был еще ребенком, а от свекра помощи ждать было смешно. Что до сестры Кирилла Инны, то уж она-то вовсе была не обязана помогать Надежде и тратить на нее свое время.

В ответ на Надины несмелые претензии муж начинал тут же яриться и кричать, что не собирается «замыкаться в скорлупе». И не обязан. Наде казалось обидным, что они с Андрейкой – это «скорлупа», но потом она привыкла. Притерпелась. Андрейка рос, проблем делалось меньше, и Кирилл чаще стал появляться к ужину.

То, что муж хаживает налево, Надя определила рано. Что она при этом чувствовала, знает каждая женщина, прошедшая через такое, а какая не прошла, той и знать не надо. Тяжело. Тяжело, гадко, унижительно, стыдно...

Некоторые, сделав такое открытие, разводятся и потом в гордом одиночестве поднимают детей, работая на двух работах и быстро поняв, что личную жизнь теперь больше не устроить. Никогда. Нету времени, элементарно нет на эту самую личную жизнь времени, если ты, конечно, нормальная мать, а не шалава. Другие решают оставить все как есть и терпеть дальше. Надежда решила остаться.

Во-первых, она боялась, что, если они с Кириллом разведутся, то Андрюшина жизнь в детском социуме делается трудной. Он будет чувствовать ущербность рядом с теми детьми, у которых есть и мама, и папа, а Надя не хотела, чтобы сын был ущербным. Во-вторых, ей перед ним было стыдно, и она покрывала мужа, как преданная секретарша, лишь бы Андрейка ничего про отца не заподозрил. Он и не заподозрил, Надя постаралась.

Кроме того, все взвесив, она решила, что ей самой нужен статус замужней дамы. К разведенным относятся с жалостью, с насмешкой, с подозрениями. Нехорошо относятся, иными словами.

И наконец, деньги, которые приносил в дом Кирилл, ей тоже были очень нужны, и она оставляла все как есть еще и из-за денег. Уже окончательно поняв, что за человек живет рядом с ней, она старалась вытянуть из него побольше для себя и для сына. Но парадокс – с годами доходы Кирилла росли, а его щедрость таяла. Он сделался расчетливым и своекорыстным, но Надя постепенно обзавелась хорошей прочной шкурой и почти не обращала внимания на его колкие комментарии, когда ей приходилось выклянчивать у него очередную энную сумму. Она подозревала, что в семью он отдает даже не половину. А возможно, что и не треть. Ну хоть столько.

И еще. Она любила мужа. Надя до сих пор его любила. И ничего не могла с этим поделать. Сама себе она рисовалась практичной, циничной и абсолютно не сентиментальной, но ничего не могла поделать с этим подневольным чувством. А может, она тосковала по прошлому? По себе молоденькой, девятнадцатилетней, по нему, которому только исполнилось восемнадцать? Когда каждая встреча была обещанием, залогом бесконечной радости и счастья. Никак не могла она забыть это головокружительное чувство, она даже дышала тогда счастьем, потому что они вместе, потому что нашли друг друга, потому что полюбили!..

Спустись на землю, Надя.

Спустил ее Кирилл.

– Ты специально так сделала, да? – начал он наезд, когда она приблизилась к его койке на достаточно близкое расстояние. – Тебе что, трудно

было вчера сюда приехать? Какие такие у тебя могли быть срочные дела, когда муж в больнице? Сына бы постыдилась, что ли!

«Ого, – подумала Надежда, – что это он сразу шарахнул бронебойными?

Так сильно не уверен в себе? Или, наоборот, так уверен?»

Она села поровнее на жестком больничном стуле, закинула ногу на ногу и сказала, изо всех сил уговаривая себя не волноваться:

– Кирилл, – сказала она, – я вчера с Геннадием говорила. Помнишь

Геннадия? Кстати, там и ключи от машины нашлись.

Кирилл минуту смотрел на нее, не мигая, а затем, сорвавшись с подушки,

на которой только что возлежал в оскорбленном изнеможении, яростно зашипел, стараясь однако, чтобы соседи по палате ничего не расслышали:

– Это ты виновата! Ты меня довела! От хорошей жены никто по бабам ходить не станет! А ты вечно всем недовольна, всю жизнь меня пилишь! Все я плохой, все не так делаю! А кто тебя обеспечивает, кто кормит? Ты же на мне паразитируешь! Ты посмотри на брюлики свои, вот эти цацки тебе кто накупил? Дрянь неблагодарная! А теперь она оскорбленную из себя строит! На меня это не действует, не старайся! Истерики она тут мне будет устраивать... Учить тебя надо было, а я все прощал, дурак. Меня Инна давно предупреждала, а я не хотел верить.

Это было неожиданно. Конечно, Кирилл не являлся образцом благородства, но никогда раньше он такого себе не позволял. То есть не позволял открыто признаваться в своих ходах налево. Обращал в шутку или обычным образом ярился, называя ее ревливой дурой, даже было однажды, что и прощения просил, когда нельзя было выкрутиться иначе. Но так вот – никогда. Не по доброте душевной, а из соображений собственной выгоды, поскольку удобства семейной жизни по многим причинам весьма ценил и при этом понимал, что она, его семейная жизнь, теперь находится в неустойчивом равновесии, как затишье на передовой во время перемирия. Теперь, когда Андрей вырос.

Выходит, ошибалась Надежда на его счет, ничего-то он не ценит. И хоть ей не хотелось себе в этом признаваться, муж все-таки сумел ее уколоть. Не вздорным высказыванием, что она сварливая жена и плохая хозяйка, это было заведомо несправедливо. А тем, что он абсолютно, на все тысячу процентов уверен: из-за своего житейского прагматизма и алчности она вытерпит и снесет любые унижения вплоть до издевательств.

Сделав паузу, чтобы жена осознала, что виноватым себя он ни в чем не считает, и никаких извинений ей не обломится, Кирилл продолжил:

– Так вот, дорогая, сейчас твоя очередь раскошелиться. В этом гадюшнике я лежать не собираюсь. Сейчас ты пойдешь на сестринский пост, там тебе подскажут, где оплатить отдельную палату. Полежу в больнице несколько дней, пока врачи домой не отпустят, а потом придется заниматься лицом и зубами, тоже денег стоит.

Надежда, прикрыв веки и потирая пальцами переносицу, тихо спросила, не глядя на мужа:

– Ты о каких моих деньгах сейчас говоришь, милый? Это ведь у тебя счета в нескольких банках. Были, по крайней мере. А у нас с Андреем только наши зарплаты да еще те копейки, которые ты ежемесячно даешь на макароны. Но я знаю, как тебе помочь. Я предполагала, что кончится именно этим. Надежда неспеша открыла сумочку и вытащила оттуда звенящий

полиэтиленовый пакетик для бутербродов, завязанный узлом. Кинула его Кириллу на одеяло, пакетик бренькнул.

– Лови, милый, – жестким голосом произнесла она. – Здесь все *твои* цапки. Ты мне камни дарил, потому что их при разводе делить можно? Шубу не разделишь или зимние сапоги, а бриллианты – уже не та категория, ведь так? Это ведь уже совместно нажитое. Забирай. Забирай их все, без дележа. Не знаю, как ты их будешь менять на монеты, меня это не касается. Как больше не касается, в какой рубашке ты пойдешь на работу. С нами ты больше не живешь. Отправляйся, милый, по месту прописки, к сестрице. Там вам будет вместе весело и интересно. И меня сможете всласть пообсуждать. Чао.

И Киреева встала с жесткого больничного стула, держа спину очень прямо, ослепительно улыбнулась всему мужскому коечному окружению и, твердо ступая, вышла из палаты.

Надежда Михайловна была яростной жизнелюбкой. Она любила утренние пробежки в соседнем парке, потому что это ее бодрило, повышало самооценку, а также спортивный костюм ярко-бирюзового цвета с белыми вставками был ей безумно к лицу. Она любила ходить на работу, потому что, придя в офис, можно похвастаться новой тряпочкой, а еще можно позлить какую-нибудь Ириночку Звереву тем, что, несмотря на разницу в возрасте почти в десять лет, выглядишь в сто раз лучше этой самой Ириночки. А еще можно попить кофейку с девчонками и всласть с ними посплетничать. Да и работу свою она тоже любила, хоть и держала это от всех в секрете, засмеют. Она любила свой дом, потому что дома у нее было уютно и красиво, любила иногда пригласить хороших знакомых попить вина и поплясать дикие танцы под «Бони эм», а заодно похвастаться новой отделкой кухни или балкона. Она любила сына, потому что любила. И она любила мужа, потому что дура.

Надя стояла в туалете больницы, закрывшись в пахнувшей едкой хлоркой кабинке, и тихо плакала. Она плакала о счастье, которое только кивнуло, плакала о жизни, так по-подлому быстро подошедшей к закату. Зачем себя обманывать? Именно к закату. О сыне, которому она теперь мало нужна, и о муже, которому не нужна вовсе. О колечках и серьгах не плакала. О них она всласть поплакала еще вчера, когда разложила их на ворсистом кроватном покрывале и прощалась с каждым камешком, вспоминая прожитую жизнь. «А, да ладно... – произнесла она, прерывисто вздыхая и промокая кончиками пальцев мокрые веки, – ну их, изумруды. Можно и в бижутерии походить. Сейчас делают прелестную бижутерию».

Дома было темно, сыро и холодно. Она прошлась по всем комнатам, повсюду зажигая свет. Разбудила телевизор, и он негромко зашептал новостями. В гостиной включила электрокамин и полюбовалась почти настоящими язычками пламени на почти настоящих березовых поленьях.

Сейчас придет Андрейка с работы, она накормит его котлетами и жареной картошкой, и, может, он с ней поговорит. О чем? Какая разница, о чем он захочет с ней поговорить? Хоть о футболе, хоть о новой графической программе. Хоть о своих прохудившихся носках.

Однако совсем ты разнюнилась, Надюша. Никуда не годится, подбери сопли живо. У тебя замечательный сын, и он не обязан всю жизнь возле тебя сидеть, как приклеенный. Запомни: если он не сидит возле тебя, как приклеенный, значит ты его правильно воспитала. Понятно? А то!..

Запиликал телефон, и Надя вздрогнула. Трубку брать не хотелось,

наверняка звонит дорогая сестрица. Не ее, Надина, сестрица, у нее ни братьев, ни сестер не было, а сестрица мужнина. Тем не менее, Надя трубку сняла, решив закончить все в один день и больше к этому не возвращаться. Инка вступила с крика, но это никого не удивило. Хотя Надежда и не ожидала, что Кирилл так оперативно поделится новостями. Значит, воспринял угрозу всерьез. И Инка тоже, вон как заходится.

– Какая же ты змея! – визжала трубка. – Всю жизнь из Кирюши кровь пила, на двух работах заставляла работать, а теперь, когда он заболел, то сразу стал не нужен?! На помойку решила его выпихнуть?

«Ого, – подумала Надежда, – про вторую работу я и не знала... Однако... Однако мне до этого уже дела нет, а вот милый Кирюша не скажет тебе спасибо, дорогая, что ты по своей бабьей глупости так его заложила. Хотя это теперь тоже неважно. Но как она всполошилась! Не хочет, значит, снова проживать с выросшим братиком».

Инесса была старше брата на одиннадцать лет. После того как от запущенного аппендицита на операционном столе умерла их мать, сестра заботилась о Кирилле, как могла, и воспитывала, как это понимала. Инкино подвижничество папашу вполне удовлетворяло, поскольку он не планировал обременять себя новой женой, а гулял вольным казаком, выделяя наследникам некую часть зарплаты на расходы. И Инку это тоже устраивало, ей не нужна была никакая мачеха – ни злая, ни добрая.

Сама Инка пыталась выйти замуж, но у нее так и не срослось. Ее властная и нетерпимая натура проявлялась уже на втором этапе знакомства, и парень быстренько сматывался от подружки, которая постоянно прерывала его на полуслове, указывая, как и что ему нужно делать, говорить или думать, или выражалась в исключительно нелестной форме о его мозгах, руках, ногах и о прочем всем.

У Инки всегда был тяжелый характер, хотя по молодости лет Наде хотелось с ней подружиться. Не получилось. Наде было это непонятно, она даже переживала вначале, и плакала оттого, что совсем не нравится Кирюшиной сестре. Искала в себе несовершенства, пыталась вызвать золовку на откровенный разговор, хотела что-то выяснить или же объяснить.

А когда стала старше и опытнее, то успокоилась и поняла, что «нравится – не нравится» тут не при чем. Зависть, ревность и жгучее желание, чтобы все было «по-моему». По-Инкиному, то есть.

С возрастом Инесса совсем сделалась невыносимой. После того, как ее под локотки проводили на пенсию, характер ее поменялся настолько, что она превратилась в желчную мумию, ненавидящую все юное и живое. Так, по крайней мере, казалось Надежде. И она, не переставая, радовалась, что живет далеко, очень далеко от своей единственной родственницы, просто на другом конце Москвы.

Но время от времени в голову Наде заползали неприятные мысли.

«Неужели я тоже обращусь в такого мутанта? – пугливо думала она. – У меня обвиснут щеки, растолстеет шея и появится второй подбородок. Но это все ерунда, подбородок можно подтянуть. Я вся поменяюсь, и пластика не поможет. Я уже не буду Надей, я сделаюсь чудовищем с уродливой психикой и извращенной шкалой ценностей. Потому что старуха – это уже не человек. Старуха – это какая-то скачкообразная мутация, которая так же отличается от женщины, как... Как самка гиены или осьминога».

Мысли такие Надежда гнала, не позволяя им задерживаться надолго, и успокаивала себя тем, что не все «мутанты» одинаковы, и что среди них встречаются вполне даже человекообразные. Но это, конечно, не про Инку. Сегодня та била рекорды, наплевав на политкорректность полностью, поскольку, вероятно, поняла, что терять больше ей нечего. На склоне лет возиться с братом, внезапно ставшим холостяком, Инке сильно не хотелось. Надежда не собиралась с ней ничего обсуждать, тем более оправдываться, но удержаться от колкости не смогла и спросила, дождавшись паузы, что за помойку та имеет ввиду? Если ее, Инкину квартиру, то да, тогда на помойку. И повесила трубку.

Настроение было изгажено окончательно. Надя отправилась на кухню, на свою невозможно красивую кухню, и, занимаясь картошкой и котлетами, стала напевать вполголоса что-то очень давнее из Маши Распутиной, про казачью станицу, и взбодрилась. А потом начала громко петь про Гималаи и совсем развеселилась. И веселая, со смеющимися глазами, пошла открывать дверь, когда позвонили. Надя кинула взгляд на настенные часы: наверно, Андрейка с работы. Он иногда ленится возиться с ключами.

Это был не Андрейка. Со сведенным в гримасу от невыплеснутой злобы лицом в окаймлении черной крашеной паклей секущихся волос, ближайшая родственница мужа впихнула Надежду в глубь квартиры, задом прихлопнув входную дверь.

Андрюха сунул руки в рукава серебристо-серого пуховика, отороченного енотом, и, застегивая на ходу молнию, побежал по ступенькам вниз на первый этаж, на волю. Рабочий день закончился полчаса назад, он пересидел слегка, но в данном случае это ерунда!.. Вот когда через неделю будут номер выпускать, тогда, может, и до часу ночи придется прокорпеть, ничего не поделаешь, специфика места.

Андрей числился в редакции журнала «Деловой курьер» верстальщиком, хотя название должности не охватывало весь спектр дел, которыми приходилось заниматься. Андрей был хорошим дизайнером-макетчиком, чем и пользовались беззастенчиво все, начиная от главного редактора и заканчивая девчонками из выставочного отдела. И он особенно не возражал, в отличие от коллеги по цеху Витьки Пристежнюка, который любую просьбу со стороны пишущей братии воспринимал, как попрание прав и наглую эксплуатацию. Андрей вывалился на улицу и осмотрелся. Куда, к Чкаловской или лучше к Марксистской? Направо или вперед через дорогу? Вопрос решился сам, когда в вялом свете редких уличных фонарей Андрей опознал удаляющиеся спины двух своих коллежек. Коллежек-сыроежек. Прикольнемся.

Стараясь не поскользнуться на проплешинах плохо счищенного льда, он частой трусцой, на полусогнутых, настиг девчонок и, дернув за ремешок сумки ту, которая справа, гаркнул ей в ухо:

– Гони бабло, старая плесень!

Девчонки, как им и полагается, взвизгнули и шарахнулись в сторону, а он довольно заржал. Разобравшись, барышни тут же на него накинлись и принялись дробно дубасить в пухлые бока, уминая их острыми кулачками. Смеющийся Андрей перехватил худенькие запястья одной из них и удивленно воскликнул:

– Ксюшка? Да я был уверен, что это ты, Даш! Ну вы, блин, даете...

Даша закатилась хохотом, Ксюша ей азартно вторила.

Даша Врублевская и Ксюша Ульянова были журналистками. Так сказать, молодая поросль. Даша писала для отдела деловой хроники, Ксюша вела рубрику «Власть и бизнес», и обе были недавними выпускницами журфака. Обе нагленькие, немножко жеманные и самую малость глупенькие, но мужикам от бизнеса, которых они интервьюировали, это нравилось. Даша была москвичка и жила со старшим братом в новой высотке на Краснопресненской набережной, Ксюша приехала откуда-то из Сибири и снимала однушку.

– К чему сей маскарад, манкис? – спросил Андрей. – Путаем следы?

Отрываемся от погони?

– Сам ты манки, – хихикнула Ксюша. – Я решила пальто себе купить, такое же, как у Дашки, а она испугалась и дала свое поносить, временно.

Андрей молчал, медленно соображая. Потом высказался:

– У тебя что, бабок на прикид не хватает? А почему у Дашки не перехватишь? Даш, тебя жаба заела? Тоже мне, фрэндессы...

– Ты что, действительно не догоняешь? – взвилась в непритворном негодовании Дашка.

– А чего? – продолжал тупить Андрей.

– Вот ты, например, как отнесешься, если твой Пристежнюк такую же куртку себе намылит? Или пиджак?

– И чего? – никак не мог вникнуть Андрей.

Обе барышни молча на него смотрели, пытаясь понять, глумится он так или вправду не въезжает. Поняли, не въезжает. Ксюша посмотрела на Дашу и, закатив глаза, вздохнула, Даша посмотрела на Ксюшу, и, тоже закатив глаза, пожала плечами.

– Не парься, Киреев, – сказала она Андрею и похлопала его по плечу. – Это мы так прикольнолись.

И они пошли неторопливо по серому переулку вдоль стен серых зданий, в которых люди давно уже не живут, а лишь работают, внедряясь туда каждое утро, а ежевечерне покидая без сожаления.

Болтали о пустяках. Девочки обсуждали новую корректоршу, которая лезла не в свое дело и вносила редакторские правки в тексты, учила, как следует писать обзоры и репортажи, хотя это ее вовсе не касается.

Обменивались планами на грядущие в скором времени праздники – 23 февраля и 8 марта. Андрей участия в разговоре не принимал, лениво загребая ботинками по мерзлому асфальту и недоумевая про себя, зачем это он не пошел сразу через дорогу, а потащился направо за девчонками.

К девчонкам-сослуживицам, как, впрочем, и к молоденьким соседкам по дому, он относился не по годам мудро, спасибо маме. Мама у него классная. Пусть и не всегда догоняет.

Но тут уж ничего не поделаешь, старшее поколение, оно вообще малость туповато. Его мать хотя бы по сайтам шарит, а вот у Витьки Пристежнюка мамаша даже подойти к компу боится. Про то, чтобы что-нибудь себе науглеть, вообще речи нет. И лексика у них какая-то кондовая. Кстати, и обучаться не хотят. Его мама, конечно, исключение. Она его прекрасно понимает, а он – ее.

Когда Андрей учился в девятом классе, мама выведала, что ему нравится Настя Куликова из их же класса, он уже решил ей эсэмэску отправить с предложением встречаться и все такое. Мама сказала: «Не советую».

Он, конечно, вскинулся, а она спокойненько так произнесла: «Ты, –

говорит, Андрейка, не торопись, изучи все со стороны. Есть у вас в классе уже парочки, наверно?»

Андрей хмыкнул. Как не быть, не ребенки же.

«Ну так ты посмотри, что через два-три месяца будет, хорошо? Потом с Настей поговоришь, если захочешь. Ты, конечно, уже сейчас можешь с ней поговорить и пригласить в кино или покататься на роликах, но потерпи пока. Идет?»

Чисто из уважения согласился Андрей «потерпеть». До разговора с мамой он не заострял внимания на этой стороне школьной жизни, а теперь начал следить. Мальчиком он был умненьким и в скором времени понял, от чего хотела она его предостеречь.

Парочки на глазах возникали, на глазах же и лопались, некоторые тихо, большинство же с нервными эксцессами и душераздирающими страстями. В пересудах по этому поводу участвовали все – и пацаны, и девчонки, и те, кто учился с ним в одном классе, и те, кто в параллельных. Во время затиший смаковали подробности чьих-то устоявшихся отношений, а также обсуждали, кто кому безответно нравится и кто от своей «половины» мыслится слинять. Кажется, даже педагоги, втихаря покудивавшие в учительской, были в курсе подробностей очередного школьного романа, превратившегося в скандал, возмущались, осуждали и мазали грязью. Злословили.

Насте Куликовой пока не доводилось стать героиней, зато она проявила себя обильным трепом и делилась с непосвященными пикантными деталями отношений треугольника, один из углов которого был занят ее ближайшей подругой Петуховой Любой.

Андрей ничего не взвешивал, не в том он был возрасте, но ему стало противно. И он все запомнил. И дал себе слово никогда не подставляться. Оно того стоит.

Он, конечно, допускал, что в его жизни может произойти нечто, что напрочь сломит его волю, и тогда он наплюет на здравый смысл и собственные правила, однако до сих пор фееричных встреч на местах учебы и работы у него не случалось.

Ксюха с Дашкой, конечно, нормальные девчонки, веселые и без заморочек, но его Натке они и в подметки не годятся. Кстати, нужно будет обязательно ей сегодня же позвонить и договориться на субботу.

В субботу в клубе тренировка с реконструкцией, нужно напомнить. Вдруг забудет и явится без доспехов, и не пустит Натку сотник в строй. Андрей будет за нее переживать. Натка уже старший дружинник, Андрей ею гордится. Сам он дослужился до десятника, и ему не стыдно с такой девушкой рядом идти. В смысле, что он сам не рядовой.

Тут Ксюша сбила его с мысли, дернув за рукав. Она притормозила возле узкого прохода между четырехэтажными домами, который был перегорожен покосившимися ржавыми воротами, с болтающейся настежь такой же ржавой скрипучей дверью, вынудив всех остановиться. «Ой, а давайте дворами рванем! Тут ведь можно здорово путь сократить, помнишь, Даш?» – оживленно предложила она.

Даша язвительно ответила, что все замечательно помнит, но совершенно не уверена, что путь будет быстрее. Лучше уж спокойно прогуляться до метро по освещенным переулкам, чем ломиться на ощупь через темный замусоренный двор. Фрэндессы горячо заспорили и наконец порешили идти

наперегонки.

– Будешь секундантом, Андрюш? – спросила, играя глазками Ксюшка. – Пойдешь со мной?

– Только я не понимаю, при чем тут секундант, – бросилась в атаку Дашка. – И почему секундант должен идти дворами? Скорее наоборот, он должен убедиться, что я никуда не свернула, чтобы сжульничать.

– Ну и пожалуйста, – фыркнула Ксюшка. – Сконнектимся у метро. Буду вас ждать у входа со стороны проспекта, не перепутайте.

И Ксюша, махнув на прощанье рукой, скрылась в проеме калитки.

Она шла, старательно глядя себе под ноги. Самое стремное место – этот проход между торцами зданий. Его минует и все, победа. А Дашка пусть утрется. В этих дворах и вправду темно, почти все дома нежилые, поэтому и окна не светятся, если не считать тусклых ламп на лестницах между этажами, однако свет все же есть, и значит, она не налетит на мусорный контейнер или выступающий бордюрный камень. А местный дворник днем посыпал дорожки той самой дрянью, и значит, она не поскользнется на неровной наледи и не грохнется, расшибив колени и испачкав Дашкино пальто.

Но впереди ее ждало препятствие в виде размытого силуэта какой-то неопрятной старухи, неизвестно с какого перепугу здесь очутившейся, и Ксюша поняла, что вот сейчас все ее сэкономленные минуты бездарно сгорят.

Старая развалина почти распласталась бесформенной кучей на темной дорожке и что-то разглядывала у себя под ногами, водя головой, словно пресноводная красноухая черепаха на каменистом дне акватеррариума в поисках сбежавшего у нее из-под носа мотыля.

Старухино грузное тело перегородило неширокий проход, однако Ксюша не собиралась церемониться и уже примеривалась поставить обутую в мягкий унт ногу на свободную полосу асфальта между бабкиным носом и кирпичной стеной, с тем чтобы прошмыгнуть и бежать дальше. Но скрипучий старческий голос попросил «деточку» посмотреть, куда там завалился ее, бабкин, костыль, без которого она «не ходок», и Ксюша смирилась.

Бабка распрямилась, а Ксюша, напротив, наклонилась вперед, вглядываясь с темень под ногами, но вдруг почувствовала внезапно сильный толчок, нет, не толчок, а взрыв внутри себя. Пронзительный, беспощадный взрыв холодно-каменной боли. Боль взорвалась внутри, сокрушив и Ксюшино сердце, и Ксюшин мозг, всю Ксюшу сокрушил этот взрыв. До самой ее смерти.

– Блин, – ругнулась Дашка, отойдя ровно два шага от прохода с железными воротами, – мобильник в пальто оставила. Нужно Ульянову догнать.

– Да ну, забей, – попытался отмазаться Андрей. – Через десять минут у метро встретимся, тогда и заберешь.

– Ага! И чтобы она мои эсэмэски прочитала, да? Или сейчас вообще зайдет в какой-нибудь подъезд и все мои контакты просмотрит!

И Даша, не развивая тему дальше, развернулась и заспешила вслед за подругой в подворотню. Она пробежала совсем немного по темному ущелью между слепыми стенами домов и остановилась, всматриваясь. Впереди какие-то люди копошились на земле и не могли подняться. Дашка медленно подошла ближе, и страх обдал ее ледяной волной, потому что она увидела, что это Ксюша неподвижно и мертво лежит ничком на асфальте, а рядом с ней шевелится какая-то старуха. Только старуха не лежала, она сидела на корточках. И эта старуха, в сопливом дождевике поверх пенсионерской ватной

одежды и в больничных бахилах поверх пенсионерских войлочных бот, резким и сильным движением руки выдергивала нож из спины мертвой журналистки Ксении Ульяновой.

Даша вскрикнула, старуха обернулась. Их глаза встретились, и Дашу ударило чужое бешенство, рванувшееся из глаз, от оскаленного рта, от всей этой сведенной судорогой злобы скрюченной и какой-то нереальной фигуры. Даша отчаянно закричала. Ей показалось, что страшная старуха сейчас кинется и на нее, Дашу, и тоже вонзит в нее нож, уже испачканный Ксюшиной кровью. Она услышала, как Андрей подбежал и встал сзади, как взволнованно выкрикнул: «Что случилось?!»

Даша резко развернулась, стукнувшись носом о какую-то железку на его куртке и посмотрела безумными от ужаса глазами. Зажав рот рукой, она метнулась прочь.

Она бежала, не останавливаясь, бежала долго и совершенно отчетливо слышала топот ног у себя за спиной. Она была уверена, что это убийца торопится ее настичь, поэтому из последних сил бежала и бежала вдоль длинного ряда домов в надежде увидеть патрульную машину или хоть кого-нибудь, кто смог бы ее защитить от ненормальной старухи с окровавленным ножом, зажатым в артритной руке.

Когда ослабевшие ноги стали подкашиваться от усталости, и морозный воздух окончательно ободрал не только горло, но, кажется, даже и легкие, она услышала сзади знакомый голос, который окликнул ее: «Стоп, Даш, да остановись ты, наконец!»

– погоди, – сказал запыхавшийся Андрей, останавливаясь рядом, – давай постоим. Подумать нужно.

Но Дашка не могла ни думать, ни говорить. Ее трясло, и это можно понять. Ее сотрясала такая дрожь, что зубы клацали, как она ни старалась стискивать челюсти.

Тогда Андрей сказал:

– Я провожу тебя домой. Хотя, думается, прежде всего нужно позвонить в полицию.

Даша, туго обнимая себя за плечи, нервно произнесла:

– Я не поеду домой.

Андрей помолчал, а потом спросил с сарказмом:

– А куда ты поедешь? Или ты хочешь еще немножко погулять по вечерней Москве?

– Я не поеду домой, – с нажимом повторила Дашка. – У Игоря сейчас там тусовка, и мне не нравятся его гости. Я его предупредила, что сегодня домой не приду.

– Ну тогда я тебя провожу, куда ты там хотела. Или я не понял?.. Или ты, может, не хочешь, чтобы я знал, к кому ты намылилась?

– Я к Ксюхе намылилась! А теперь куда?.. Нету Ксюхи... – и тут Дашку накрыло.

Она сотрясалась от плача, уткнувшись ему в пуховик, а он успокаивал, как мог, приобняв одной рукой, хотя у самого на душе было паршиво.

– Ну как же так!.. И за что она ее, а?! – перемежала бурные рыдания жалобными всхлипами Дашка.

– Да ни за что, – ответил он мрачно. – Просто не повезло Ксюхе, вот и все. На нее какая-то сумасшедшая напала, видно же, что тетка с нестабильной

крышей.

– Выходит, что если бы ты с Ксюшей пошел, то ничего бы не случилось?

– Да откуда я знаю! – грубо проговорил Андрей. – Может, этой ненормальной по фигу было, сколько там человек через двор прется. Может, она в таком состоянии вообще реал не сканирует, ей главное, чтобы замочить кого-нибудь.

А сам подумал: «Блин...»

Потом они завернули в какой-то «Макдоналдс» и пили из пластмассовых стаканчиков обжигающий кофе. Дашка немного успокоилась, но домой ехать отказывалась категорически. Покряхтев, Андрей предложил ей в качестве одноразового пристанища свою квартиру, вернее, это была квартира его родителей, где он имел в личном распоряжении комнату в десять квадратов. Однако Дашка язвительно спросила, кем он представит ее своей маменьке, и Андрей, во-первых, с облегчением подумал, что Дашка пришла в себя, а во-вторых, ну и хорошо, а то объясняйся потом с мамой.

Домой ехать Дашке не хотелось совсем. Не до такой степени, конечно, чтобы ночевать в зале ожидания на вокзале, но не хотелось. Однако при упоминании о вокзале у Андрея возникла вполне жизнеспособная идея, которая Дашу вдохновила. Идеей была дача, опять же родительская, по Рязанскому шоссе, совсем недалеко от Москвы, на электричке можно доехать за полчаса, и от электрички минут десять, и вот оно, убежище.

– Сейчас мы с тобой махнем на три вокзала, сядем на электричку, на месте будем через час уже. Отопление там от общей котельной, не замерзнешь. Есть плитка электрическая. И еда какая-то должна быть в холодильнике. Давай, думай уже, а то устал я с тобой возиться.

Дашка надулась, но предложение приняла. Спросила только, не подвалят ли паренты внезапно. Андрей заверил, что вряд ли, поскольку фазер сейчас прохлаждается в больнице и в ближайшее время за руль сесть не сможет, а у мамы водительских прав нет, на электричке она не поедет и тоже Дашку не побеспокоит.

В полицию они позвонили с Казанского вокзала перед отходом поезда.

Они старались не думать, что все это время Ксюха Ульянова лежала в грязной подворотне на грязном заплыванном асфальте. Мертвая и одна.

На следующий день Даша Врублевская на работу не вышла. Никто особенно не обеспокоился, так как быстро выяснили, что вчера она договорилась с Александром Семеновичем, их главредом, что доработает статью дома и отдаст ему готовый текст в четверг.

Народ в редакции был взбудоражен страшным происшествием, случившимся накануне. Какой-то маньяк убил их журналистку, совсем молоденькую Ксению Ульянову. Кстати, Дашину подружку. Про убийство узнали от приходящей неповоротливой уборщицы Любы, а та, в свою очередь, от дворника Алима, с которым иногда в простоте душевной общалась через дверной проем черного входа.

Он и рассказал, перехватив Любаню возле мусорных контейнеров, жарко шепча и перевирая больше обычного русские слова, что вчера поздно вечером приезжала полиция в соседний двор, потому что там лежала убитая девочка. А его, Алима, позвали, чтобы он открыл для их машины ворота, запертые на висячий замок.

Девочку убитую он признал, видел не один раз, когда она выходила во

двор покурить на солнышке. А уж когда ее короткие волосики увидел, сильно белые, совсем сомневаться перестал. Шапка с нее свалилась, когда ее упаковывали в мешок, вот Алим и узнал. По такой примете кто угодно мог бы признать девочку. Но он не сказал полицейским, что признал, потому что они не спрашивали. А потом они сами разобрались, нашли у нее в одежде какой-то документ.

Редакционные дамы и барышни строили догадки, высказывали мнения, ахали и ужасались. Мужчины обменивались междометиями. Никто не работал, и даже секретарша Верочка Дулова пропадала со всеми в курилке, а не сторожила коммутатор на ресепшне.

Андрей помалкивал, делая вид, что загружен работой. Вчера они договорились с Дарьей, что без надобности трепать языком не будут. Спросят в полиции – ответим, если не спросят, значит обойдутся и без них. Все равно Ксюшу не вернуть, а ту крейзанутую сволочь по-любому уже не отыщешь. Потом по редакции пронеслось волной: «Врублевская пропала!», и Андрей насторожился.

Верочка все же решила посидеть немножко на своем рабочем месте, то есть на входящих звонках, которые время от времени разносились по редакционному коридору и беспокоили ее в курилке. Под их аккомпанемент она прошла невозмутимо к своему столу, степенно уселась и лишь затем сняла орущую трубку.

Звонил какой-то родственник Врублевской. Он был до предела взвинчен и оттого напорист, а может, просто характер у него был такой напористый, благодаря чему он и сумел докричаться до Верочки, хотя все ее существо было занято утренней сенсацией.

Собственно, нервничал он оттого, что Дашкин сотовый не отвечает, а она ему очень нужна. Дома случилось несчастье, ее брат попал в больницу в тяжелом состоянии. Так не могла бы Верочка перевести звоночек на Дарью? «Так-так...» – подумала Верочка, а вслух сказала:

– А Даши на месте нет, в смысле ее вообще сегодня нет в редакции. И не будет, она отпросилась еще вчера. А вы позвоните ей на домашний. Нету дома и не ночевала?! Вот оно в чем дело... Конечно, конечно, если позвонит, мы ей все передадим, вы не волнуйтесь, пожалуйста. Хорошо, записываю.

И она записала десятизначный номер на розовом стикере и приклеила его на свой монитор. А потом побежала разносить новость по редакционным коридорам.

Галина Васильевна Шевчук, руководитель Центра возрастной коррекции и психологической помощи, кандидат медицинских наук, умница, красавица... Кто еще? А еще психопатка.

Галина Васильевна сидела перед темным монитором выключенного компьютера в своем крошечном кабинетике за своим письменным столом, вертела в руках заколку со стразами и размышляла, вяло перебирая в памяти события последних дней.

И зачем ее туда понесло? Совсем крыша поехала от переутомления. От чего же еще? Что такого произошло в ее жизни ужасного, отчего она помчалась за помощью к попам?

Еще и письмо истеричное написала контрагенту с жалобой на страхи, поделилась планами обратиться за советом к лицам, компетентным в ее проблеме. С чего она решила, что приходской священник – компетентное лицо?

Может, в чем-то он и дока, но только не в бизнесе и сопутствующих ему нервных срывах.

Сегодняшний день тоже выдался – зашибись. Пришлось сделать лишний прогон. Две группы в день, по расписанию – это уже нечеловеческое напряжение, а если групп три, как сегодня, то гул в голове, звон в ушах и предобморочное состояние в результате гарантированы.

Эти дауны из администрации не могли что ли предупредить заранее, что собираются крыс травить? Пришлось в срочном порядке обзванивать всех пациенток, чтобы не потерять гонорар. Ситуацию Галина разрушила, одну группу подключила к занятиям сегодня, другую, с извинениями, переместила на послезавтра.

Есть, конечно, плюс – завтра выходной образовался. Передохнет Галя, собой займется. А то с этой хронической усталостью не то что к попам в соседний храм, а к практикующему шаману в тундру кинуться можно.

Это ей-то к шаману!..

Ну все, пора домой, Галя, засиделась. Давай мы сейчас с тобой все помещения проверим, дверочку на замочек замкнем, и домой, баиньки.

Деньги вот только куда? С собой забрать или тут до послезавтра оставить? Если бы не внеплановая группа пациентов, она бы деньги кинула на карточку через банкомат в отделении, что по соседству, но сейчас оно уже закрыто. Как быть?

Или сходить к коменданту, попросить, чтобы спрятал в свой сейф? А с комендантом-то она как раз вчера от души полаялась по поводу этой скоропостижной дератации. Нет, к коменданту ходить не стоит.

Да ладно, не такие уж бабки, чтобы терзаться. Ну грабанут, ну еще заработаю. Теперь с бизнесом у нас, Галя, все тип-топ будет, все шоколадно.

Он обещал. Уже подвижки есть, реально.

Галина Васильевна встала из-за стола и прошла в смежную комнату без окон, где проводила занятия по визуализации идей. Включила свет, осмотрела столы, стулья, снаряды. Снарядов было немного, и они на первый взгляд были простоваты, но для терапии по ее методу это было именно то, что нужно. «То, что доктор прописал», – самодовольно хмыкнула Галина Васильевна.

Вот, казалось бы, какой может быть толк от подпружиненной паркетной доски, ничем на первый взгляд не отличающейся от своих сестер, устилающих пол в этой комнате? Но как бывает страшно, когда земля внезапно уходит у тебя из-под ног!

Ты запомнила, как зашлось твое сердце, детка? Запомни, пригодится. А пока иди сюда и встань в стороночке, сейчас войдет следующая, и ты посмотришь на это со стороны. Может, чего и увидишь.

Увидеть рекомендовалось «брешь в ауре, сочащуюся жизнью». Именно так это спровоцированное *нечто* называла Галина Васильевна, старательно внушая ученицам, что название сие условное, что «жизнь» в данном конкретном случае означает не биосферу Земли, а некую жизненную силу, которая отличает живого от мертвого. Слово «энергетика» на своих занятиях она запретила употреблять под страхом исключения из состава группы, а понятие души ей всегда казалось схожим с деревенскими предрассудками. Галина Васильевна уважала науку и все передовое.

Да и ни при чем тут душа, когда на лицо животный ужас. Кстати, для инициации животного ужаса имелся особый снаряд. Опыт на нем ставился в

конце прохождения курса, вернее сказать, не опыт, а демонстрация. Ничего опасного. Тем более, что подопытной была уже не пациентка, а наемный сотрудник. Одноразовый наемный сотрудник. И тогда «жизнь» не просто сочилась из бреши, а выплескивалась тугой бесформенной струей.

На стеллаже у правой стены стопками лежали коробки с фломастерами и блокноты ее подопечных, в которых они со всем старанием и жаром немислимыми каракулями изображали свои недостатки, учась видеть в них злейших врагов. Для закрепления ассоциации рядом с нарисованной абракадаброй следовало изобразить и реально существующего недруга. Или нескольких.

Этот трюк, как многие прочие, Галина придумала сама и успешно им торговала. Естественно, это была торговля. Хотите жрать «химию» упаковками, валите в клиники. Да и не лечат там от того, с чем к ней приходят за помощью. А напрасно. Могли бы тоже неплохие бабки подгрести.

Выключив за собой свет, она вышла в холл, по периметру которого располагались кресла, а по центру – журнальный столик с глянцевым полиграфическим материалом на нем. Это были брошюры и небольшие, размером с открытку, постеры, чтобы было удобно держать в руках, рассматривая составленные по типу комиксов методички, и вчитываться в крупный шрифт формул самовнушения.

Галина плавным зигзагом пробралась между столиком и креслами к двери, ведущей на выход, в коридор бывшего детского сада «Солнышко», в силу причуд муниципального правительства упраздненного и ушлыми ребятами пережваченного и преобразованного в бизнес-центр средней руки. Вплотную к входной двери размещался шкаф, в котором висела ее дубленка. Галина уже потянула на себя его створку, как ей показалось, что по коридору кто-то идет. Мягко и вкрадчиво. Комендант так не ходит. Значит, уборщица.

Какая уборщица?! Перед нашествием дерататоров в брезентовых комбинезонах, респираторах, грязных резиновых сапогах и с кислотным раствором ядовитой гадости в баллонах за спиной? Они же гадостью этой все здесь зальют. Зачем же уборщице сейчас делать уборку? Ковров, которые нужно было бы скатать в рулоны и упаковать от греха в черный полиэтилен, в этом, так называемом, бизнес-центре лет двадцать как уже не было.

Галина Васильевна решила на всякий случай дверь своего офиса закрыть на замок и чуток отсидеться. А домой можно и попозже пойти, когда шумы улягутся. Что-то она пугливая стала, но предосторожность ей точно не повредит.

Она не успела дотянуться до двери, как та начала медленно открываться.

Галино сердце бешено застучало.

«Уф, напугал», – с облегчением подумала Галина Васильевна, когда увидела в дверном проеме щуплого старичка в дешевых джинсах и рябеньком пиджаке с жирной кляксой на лацкане. Галстук тоже имелся, он свешивался из-под мятого воротника серо-полосатой сорочки вялой селедкой и намекал на несомненную принадлежность его владельца к международному офисному братству.

Пегие от седины волосы позднего визитера были всклокочены, борода пострижена кривым клинышком и тоже имела вид кустистый.

– Галина Васильевна? – зачастил он суетливо и как-то даже подобострастно. – Я к вам на минуточку зашел, рад, что застал. А то, видите ли,

работа моя такова, что я поздно сюда возвращаюсь, если вообще возвращаюсь... Я и сегодня не рассчитывал... Повезло, повезло. Извините, извините, я не по делу все... Я вам быстренько сейчас свою просьбу... Позвольте войти на минуточку?

Галина Васильевна рта не успела открыть, как этот гном очутился на ее территории. Оказалось, что гному хочется попасть на ее курсы оздоровления, как он коряво выразился. Оказалось, что он много наслышан. Работает буквально через дверь на этом этаже, правда курьером. Потому и не получается никак пересечься с уважаемым доктором. Рано утром задание получит, и все, потом только домой. Ну, а куда же еще после восьми поездок в разные концы?.. Только к дому... А живет он в славном городе Щербинка, под Москвой. Но ради ее оздоровительного курса готов даже с работы уволиться, временно, естественно, лишь бы пройти оздоровление по ее методу. Потому что, если не уволняться, то никак не получится вовремя приходить на процедуры. Он же весь день на ногах, как задание с утра получит, то до позднего вечера... А деньги есть, вот, посмотрите...

Он полез в задний карман, видимо, за деньгами, но не стала ждать Галина Васильевна, когда он их достанет. Стиснув зубы, чтобы не сорваться на окрик, она сделала добрую улыбку и добрым голосом произнесла, тесня шебутного деда на выход:

– Мне очень жаль... Мне очень-очень жаль, но свои занятия я провожу только с женщинами. Извините, но мне пора.

– Как это, только с женщинами? – распетушился вдруг старичок. – Вы меня, того, не морочьте!.. Только женщин другой врач лечит, гинеколог! А больше никаких отдельных врачей для них не существует! Так что, будьте любезны записать! Я настаиваю! В конце концов я к префекту обращусь, что за беззаконие!

– У меня. Только. Женщины. И пишите хоть президенту.

Галина Васильевна указала на дверь.

Разошедшийся дед не уходил, а яростно сверлил ее глазами.

Галина Васильевна сказала:

– Я сейчас вызову охрану. А завтра, нет, послезавтра, пожалуйюсь вашему руководству. На какой фирме вы работаете, я не расслышала?

Она рассчитывала на обычную человеческую реакцию. Но дед не убежал, испугавшись неприятностей по службе. Дед всплеснул лапками и залебезил:

– Да что это я!.. Вот старый дурень! Галина Васильевна, красавица наша, не сердитесь, не обижайтесь. Сорвался, простите! Я ж ведь уже настроился... Но, может, в виде исключения, а?

– Еще раз – нет, – твердо заявила Галина Васильевна. – И, вы меня извините, мне пора.

– Я вам не верю! – сорвался на фальцет старый склочник, и, чтобы закончить весь этот абсурд, Галина со вздохом направилась в свой кабинет. Села к столу, включила компьютер, открыла папку «Списки».

– Смотрите, – произнесла она обреченно. – Вы хотя бы одну женскую фамилию тут видите?

Старик, нависнув возле ее правого плеча, уткнулся носом в экран монитора, достал из нагрудного кармана очки. Какое-то несоответствие бросилось ей в глаза, она задумалась, рассматривая дужку оправы, но все ее недоуменные мысли были тут же вспугнуты победным кличем, взорвавшимся

прямо в ее ухе:

– А вот же, Бовдур! И ниже, сразу после Киреевой – Ковальчук! А вот и Мирошниченко! Позвольте-ка распечатать! Я тут еще немало мужских фамилий найду!

– Простите, а как вас зовут? – устало поинтересовалась Галина Васильевна.

– Валентин Кузьмич, – с готовностью отреагировал курьер.

– Валентин Кузьмич, понимаете, – пытаюсь сохранить терпение, начала объяснять ему Галя, – Бовдур у меня Анна Михайловна, Ковальчук – Светлана Юрьевна... Дальше продолжать?

– Значит, не запишете, – задумчиво проговорил Валентин Кузьмич. Затрезвонил внутренний телефон. Надежде Михайловне не хотелось брать трубку, ей вообще сегодня мало чего хотелось, и она произнесла, не отрывая взгляд от монитора:

– Девочки, снимите, я не могу сейчас отвлекаться.

Оксана беленькая с недовольным и кислым видом, но так, чтобы вид этот не был виден начальнице, а лишь Оксане черненькой, проделала несколько шагов до «общественного» стола и вяло сняла трубку. Однако лицо ее тут же сделалось умильно-восторженным, и она подобострастно отрапортовала:

– Добрый день, Ираида Эдуардовна! Да, на месте! Обязательно передам!

Услышав обращение «Ираида Эдуардовна», Киреева неприязненно усмехнулась. Она не любила референта гендиректора. И ей не понравилось, как сотрудница ее отдела, ее непосредственная подчиненная Оксана Терехина так лебезит и заискивает перед этой высокомерной обезьяной. Хотя возможно, что и другая Оксана – Коваленко – тоже лебезит.

Плохой признак. Очень нехороший. В свете последних сплетен, сие может означать, что деньки твои, Надя, в качестве начальника патентного отдела стремительно подходят к концу.

– Вас к себе генеральный вызывает, – со странной интонацией оповестила ее Оксана Терехина. – Ираида Эдуардовна сказала, что срочно. Надежда подобралась. Не вскочила, нет. Что ей волноваться-то?

Вытащила косметичку, придирчиво осмотрела отражение. Не для генерального, что за чушь. Для Зверевой старалась, с ней придется столкнуться лицом к лицу. А оно сегодня у Нади на троечку. После вчерашнего-то...

Захлопнула пудреницу, задвинула ящик стола и, не глядя на изнемогающие от жажды скандальных новостей рыльца «беленькой» и «черненькой», направилась выслушивать приговор.

«Одно скажу, – подумала Надя, – хорошо, что не через отдел кадров. Все-таки Лапин не совсем сволочь, как мы все о нем думаем».

Кабинет генерального был на том же этаже, что и Надин отдел. Но коридор был длинный, и за время пути она успела подавить нервозность, и даже примерила свою обычную улыбку, которая всегда ее выручала. Навстречу ей попался увалень с производственного участка, начальник сборки Гуляев, то ли Витя, то ли Вася, и Надя с ним поздоровалась. Улыбка получилась, значит, Ириночка все-таки утрется.

Надежда Михайловна открыла дверь директорской приемной и, не глядя в сторону стола референта, вознамерилась двинуть напрямик в логово генерального.

– Вы куда? – холодно одернул ее Ириночкин голос, которая не собиралась ретушировать свое отношение к «наглой бабе» даже ради корпоративной этики.

– Вы шутите? – так же холодно осведомилась Киреева. – Или так мои подчиненные пошутили?

– Вас пригласят, – едко проговорила Зверева. – Посидите, пока Иван Викторович не освободится.

Надя села. А что ей оставалось делать? Села на банкетку у противоположной стены, закинула ногу за ногу, и принялась изучать Ириночкину прическу.

Так себе у нее прическа, лоском не блещет. Выезжает за счет мусса и фена, а форма совершенно безобразная. Видимо, где-нибудь возле дома стрижется, в эконом-классе. И кондиционер у нее хреновенький, волосы топорщатся, как пакля на дешевой кукле. О, да у нее седых полно! А что там у нас с контуром лица?

Надя переместила взгляд на Ираидино правое ухо и скулу, затем на подбородок, чтобы сделать вывод, насколько четкий у Ираиды овал. Решила, что не слишком. А вот шея...

Киреева поспешно полезла в карман за очками, водрузила. От сделанного открытия она даже забыла дышать. Потому что у помощника генерального директора, нет, генеральный – это в прошлом, у помощника президента холдинга «Микротрон», у этой вельможной статс-дамы, была грязная шея!

Зверева вскочила и пронеслась мимо Надежды в директорский кабинет.

– Входите, – несколько более пронзительным тоном, чем обычно, провозгласила она, выходя обратно и оставляя небольшую щель, в которую даже Алинка Росомахина не смогла бы протиснуться. Но Надежда и не собиралась протискиваться, она просто потянула створку на себя, потеснив плечом и локтем источающую злые миазмы Ириночку, в результате чего та покачнулась на каблуках и взмахнула рукой, ловя опору.

– Прошу прощения, – сладко улыбнулась ей Надежда и вошла внутрь. Вошла и остановилась, вглубь продвигаться не стала. Убедилась только, что дверь закрыта плотно, сдержанно поздоровалась и осталась стоять напротив длинного, словно подиум, стола совещаний, который на противоположном своем конце был логически увенчан директорским, пардон, президентским столом.

Оказывается, главный ее ждал. Он не изображал, что что-то пишет или изучает некий важный документ. Он просто сидел и смотрел в сторону открывающейся двери, а теперь пристально смотрел на Надю, отчего она немного смешалась.

А, ладно. Терять ей теперь нечего, так что можно разрешить себе побыть собой, то есть спокойной, смелой и независимой.

Лапин жестом указал ей на самый первый от его стола стул, Надя приблизилась и села.

«Не иначе, повышение», – с сарказмом подумала она, красиво размещая локоток на краешке столешницы и тщательно контролируя поворот головы и осанку, одновременно с этим исподволь разглядывая руководство. На таком близком расстоянии ей это делать пока не приходилось.

Их президент был грузен и сутул. Хотя, возможно, его так не красил

мешковатый костюм, серый в мелкую елочку, и неизбежная белая рубашка с невыразительным галстуком. Прямые темно-русые волосы президента уже сильно поредели и образовали две симметричные залысины, а усы «подковкой» под крупным хрящеватым носом по непонятной причине придавали всему облику какую-то унылую измятость. Или неряшливость? Да нет, шея-то у него чистая.

«Однако не орел», – вынесла свой приговор Киреева, и тут до нее, наконец, дошло, что президент все это время излагал, по какому делу ее сюда пригласил, а вернее, вызвал.

– Простите, – осторожно проговорила она, – я правильно вас поняла? Вы обратились ко мне, чтобы я сделала вид, что я ваша невеста? Я переспрашиваю не потому, что плохо слышу или неважно соображаю. Но ваше предложение настолько странно, что мне нужно убедиться в отсутствии недопонимания.

Она смотрела на хозяина всего, что тут вокруг, внимательно и без малейшего удивления на лице. И как бы даже проникновенно. Без тени издевки. И без идиотской ухмылки. Вполне серьезно и доброжелательно. Она надеялась, что у нее получилось смотреть на него именно так.

Она не поверила ни на минуту. Только надо срочно разобраться, в чем здесь прикол, как любит говорить ее сын Андрейка. Чего от нее хочет этот монстр, потому что Надя не сомневалась, что Лапин именно монстр. Не монстры не делаются владельцами таких корпораций, и не остаются ими на протяжении почти двадцати лет, с маниакальным постоянством сметая конкурентов, отвоевывая рынок и до отрыжки наедая себе капитал.

Возможно, это проверка. Хотя данная версия сильно хромает. Если ее и заподозрили в том, что она торгует коммерческими тайнами, что в принципе возможно – в смысле, ее торговля тайнами возможна, то Надеждой занялся бы Петрас Берзин, руководитель их службы безопасности. Или кто-нибудь еще из его отдела. Но уж никак не президент компании.

Значит, это тест. Тест... на что? Что конкретно он хочет про нее узнать? Ее поведенческие реакции в неожиданных ситуациях увидеть? Или убедиться в наличии чувства юмора? Тогда этот тест она ни за что не пройдет. Не потому что не дружит с юмором, напротив, крепко дружит. Но так рисковать Надежда сейчас не будет.

Потому что, возможно, она сию минуту проходит проверку на лояльность. На преданность и понимание. То есть, требуется не заржать и не растрепать. Мракобесие какое-то, право слово.

Что делать-то, однако?

Лапин, между тем, молчал, поигрывая «Паркером», и объяснений давать не торопился. Он тоже исподволь рассматривал женщину, сидящую напротив. Красива. Уже немолода, но красива. Шелковистые волосы цвета темного меда бликуют в свете ламп так, что тянет их осторожно потрогать. А стрижка у нее называется забавно, «большой боб».

Лапин подслушал ненароком, как Ираида, общаясь с кем-то по телефону, говорила с ядовитым торжеством, что у Киреевой на голове «большой боб», который был на пике тому лет десять назад. Лапин тогда уяснил, что это не круто, иметь на голове то, что уже лет десять никто не носит, но этой женской маниакальной озабоченности сверять жизнь по модным журналам он никогда не понимал, и, рассматривая начальницу патентного отдела, сделал вывод, что

с «большим бобом» она не прогадала.

Видно, что она изо всех сил отбивает у времени молодость, но отбивает по уму, без экстрима. Никаких зашпаклеванных тушью глаз, густо напмаженного рта и никакой демонстрации мясистых бесформенных коленей. Стильно и умеренно. Лет пяток всего сбрасывает, молодец. Причем даже свой возраст она обратила себе на пользу, непонятно как, но обратила, шарм в наличии. Хотя Лапин не очень понимал, что такое «шарм».

Его предупреждали, что баба не дура, скорее наоборот, умна, как змея.

Такая вслепую ничего делать не станет. Что ж, придется объяснять.

И тогда он, стараясь говорить кратко и по возможности бесстрастно, обрисовал ситуацию.

– Если подвести черту, то вам не хочется чувствовать себя униженным на свадьбе вашей дочери, потому что править балом там будет ваша бывшая жена с ее теперешним мужем. Правильно? И чтобы продемонстрировать, что в вашей жизни все окей, вам необходимо явиться туда вместе с подругой, почти невестой.

Лапин как-то не по-доброму хмыкнул, давая понять, что Киреева оценила ситуацию правильно, и неприязненным тоном проговорил: «Естественно, эта... услуга будет оплачена. В случае вашего согласия я обговорю с вами мои требования, и мы заключим сделку. Если хотите, можем оформить ее юридически. Непременным условием является ее неразглашение. В случае несоблюдения, вам грозит... впрочем, это мы обговорим позже. Ваша цена? Только сильно не задирайте».

Надежда не знала, как ей ко всему этому отнестись и, что важнее, как ейотреагировать. Наличествует во всем этом оскорбление или не наличествует? Если наличествует, то в чем оно конкретно состоит? Ведь не интимные же услуги он от нее требует. Или интимные тоже? Да нет, не может быть.

Надежда, конечно, себя никогда не принижала, но чтобы соперничать с молодыми профессионалками... Это надо быть не наглой, а чисто идиоткой, чтобы подумать, что в конкурентной борьбе с холеной двадцатипятилетней эскорт-леди преимущество будет на Надиной стороне. Вот если хотя бы лет десять назад...

И она сказала: «Есть множество агентств. Они вам предложат массу вариантов для сопровождения на банкет. И расценки у них, я уверена, твердые, и вам по карману».

Лапин раздраженно проговорил, швырнув в сторону ручку:

– На них печать на каждой!.. Их легко вычислить. И если кто-нибудь пронюхает, что я девку представил невестой, вообще позор будет. Позор! И вообще я не понимаю, почему вы мне задаете такие вопросы?! Мне про вас говорили, что вы женщина умная, а вы такие вопросы мне задаете!.. Мне нужно, чтобы сопровождала меня привлекательная, хорошо одетая дама средних лет, умеющая уверенно держать себя в обществе незнакомых людей и при этом не идиотка! А вы бестолковыми вопросами сыплете! Вы идиотка?

Лапин начал подпсиховывать, это Надя сразу определила. Но она уже выяснила все, что ей было нужно, осталось только принять решение.

– Вы позволите мне подумать? – спросила она.

– Нет! – рявкнул Лапин, и Надя быстро ответила: – Я согласна.

Когда она выскочила из его кабинета и включила мобильник, то на дисплее высветилось сообщение о пропущенных четырех звонках одного и того

же абонента.

Валерия Бурова обладала могучим и труднопереносимым характером. Она за собой это знала и на работе всячески свой характер обуздывала, понимая, что за минутный кайф во время построения персонала она может расплатиться долгими и нудными поисками даже не компетентных, а хотя бы просто вменяемых подчиненных, поскольку такими деньгами, которые положил Лапин отделу маркетинга, вряд ли можно соблазнить выпускника МГУ с опытом работы от пяти лет.

Собственно, выражать свой характер не являлось для нее некоей самоцелью. Стремление верховодить было ее естественной, так сказать, врожденной потребностью. Конечно, для руководителя эта черта никогда не бывает лишней, ведь не мямля и не рохля должен рулить отделом. Но если уж Бурова прессовала, то не знала удержу, поэтому с некоторых пор она старательно блокировала свои естественные реакции. Спокойный размеренный голос, а также доводы логики и корысти – вот те инструменты, которыми здравомыслящая Валерия приучила себя воздействовать на подчиненных. Правду сказать, подчиненных было немного, трое всего, тем более не хотелось никого из них терять. Вот психанут они после очередной взбучки и все, а ривидерчи. Сиди, Лера, потом над рассылками сама, если такая умная.

К величайшей Лериной досаде, и дома не получалось оттянуться, поскольку муж Лерочке достался тот еще экземпляр, настоящий бульдозер. Муж владел небольшой строительно-ремонтной компанией, с которой самолично управлялся на протяжении немалого количества лет. Понятно, что в семье он тоже не собирался пребывать в подчиненном состоянии.

Авторитарные выступления жены он пропускал мимо ушей, будучи твердо убежденным, что знает значительно лучше нее, как следует поступать в том или ином случае. А также, как его жене следует поступить в том или ином случае. А чтобы его девочка не чувствовала себя несчастной, он купил ей автомобиль.

Он мог бы купить ей изящную француженку «Пежо» или послушную корейку «Киа», но он не стал этого делать. Для своей жены он выбрал чудовищный черный джип с затемненными стеклами, шестифарной «люстрой» на крыше и массивным кенгурятником над передним бампером.

Это было именно то, что нужно. Неизрасходованная агрессия и неутоленная жажда побед теперь легко находили выход, когда Валерия Бурова пробивалась на своем танке по магистралям безумной Москвы. Свой внедорожник хозяйка ласково называла Михой.

– Пристегнитесь только, – невнятно пробурчала она, зажав в зубах сигарету, и Надежда послушно потянула на себя ремень безопасности. Надежда ненавидела обращаться с просьбами. Ни к кому. Не то чтобы это было ее жизненным кредо. Скорее, по жизни предосторожностью. Но Андрей позвонил, и ей ничего не оставалось делать. Ехать на электричке не хотелось еще сильнее, чем просить Лерку.

А кроме Буровой просить-то и некого. В смысле, из девчонок. У Алинки Росوماхиной ключи от машины отобрал муж сразу же после двух полосок на тесте. И на метро ездить запретил. Теперь каждый вечер после работы за ней заезжает, перестраховщик и зануда.

А Демидова Катя так и не собралась сдать на права.

Несколько лет назад, когда Надежда Михайловна только нащупывала с ними контакты, все трое казались ей молоденькими и глупенькими девчонками,

а она уже тогда была женщиной многоопытной и взрослой. Почти другого поколения, а это в любых взаимоотношениях – серьезная проблема.

Они и сейчас оставались для нее смешными и самоуверенными мартышками. Хотя Валерии уже тридцать девять, а самой юной в их компании, Алине, скоро стукнет тридцатник. Катя Демидова была посередине со своими тридцатью пятью.

Все они работали на капиталиста Лапина в его корпорации «Микротрон НИИРТ». Валерия Бурова руководила отделом маркетинга, Катя Демидова была превосходным сисадмином, Алина стояла на страже юридической безопасности, выполняя обязанности юрисконсульта. И неизвестно еще сдружились бы они, такие разные, каждая со своими амбициями и взглядами на жизнь, если бы Киреева не приложила к тому массу усилий.

В этом крылась немалая ее корысть, однако природа данной корысти была необычна. Надежда открыла свой эликсир молодости, вернее, выдвинула гипотезу и решила, что будет ее проверять. Мысль была очень простой – если она будет держаться своих молодых подружек, то старость не сможет ее так запросто одолеть.

Если ухватиться покрепче за этих мартышек, не дадут они ей сверзиться на покату ю насыпь самодвижущейся ленты шоссе, которое равнодушно убегает все быстрее и дальше, унося тебя от того самого дня в календаре за прошлый век, когда ты, Надя, появилась на свет. Если за них ухватиться, ты не окажешься вдруг на пыльной обочине в окружении таких же ископаемых, как ты сама, горько сознавая, что уже приехала, приехала окончательно.

Надежда не являлась вампиром в абсолютном смысле этого слова.

Конечно, она никогда не призналась бы даже самой себе, что любит этих дурешек, однако ни от кого не скрывала, что за них переживает, и даже несколько кичилась этим, временами выставляя напоказ.

Если она и была вампиром, то дань за свой вампиризм платила немалую.

Ее постоянно заботила сверхважная задача, возведенная в степень сверхнеобходимой, – быть им нужной, полезной и интересной. И ее постоянно изводило беспокойство, что в один треклятый момент, надоев им своим нудным жужжанием и однообразными приколами, она услышит сдержанно-холодное: «Мы с понедельника на строгой диете, поэтому кофе, Надежда Михайловна, теперь пейте без нас».

Но никогда ни жестом, ни необдуманно глупым словом, не дала она им шанса хотя бы заподозрить в ней таковую постыдную фобию. Да и сама Надежда фобией это не считала. Желание покрасоваться, вот что. Вполне естественное и понятное. А никакая не фобия.

– Дачка трехэтажная? С витыми колоннами и «писающими мальчиками» со стороны старого сада? – ехидно нарушила молчание Бурова, расчистив себе крайний левый ряд и удовлетворенно поэтому расслабившись.

– Скоро увидишь, дорогая, скоро увидишь, – улынулась загадочно Надежда, мысленно подбирая слова, которые выскажет Андрею по поводу его «обстоятельств».

Дачей у Киреевой условно называлась покойной тети квартира в рабочем поселке под городом Гжель. Квартира, одна из восьми в этом доме, была на первом этаже двухэтажной одноподъездной кирпичной коробочки, построенной, по слухам, еще пленными немцами после войны. Но воздух в той местности чистый, и старая лесополоса рядом, значит дача.

Надя летом изредка там бывала, впрягая мужа порулить. Все думала продать да купить нормальную где-нибудь в хорошем дачном поселке, но на вырученные деньги нормальную купить бы не получилось, а добавить было особенно не от куда.

Леркин джип уверенно несся по трассе, распугивая дорожную мелочь. «Этак мы через полчаса будем на месте, – подумала Надя. – Только, что за причуды у сына? Девку какую-то туда привез... Зачем? Что за существо? Главное, чтобы Бурова потом не проболталась. Хотя она не треплива» – Спасибо, Лерочка, это уже здесь, – проворковала она, тыча пальцем в лобовое стекло, – можно тут остановиться, вот наш домик. Без колонн, но писающих мальчиков иногда можно увидеть. Хочешь, подожди в машине. Чего тебе мотаться? Ну как хочешь.

Буровой было любопытно. И не лень выбираться наружу...

Вошли в полутемный подъезд, подошли к двери. Киреева решила проявить милосердие и для начала тренькнула дверным звонком, а лишь потом сунула ключ в замочную скважину.

В квартире было тихо. На вешалке висело невразумительное пальтецо с пятнистым искусственным мехом, купленное на распродаже в каком-нибудь магазине «Одежда для всей семьи». А вот сапожки... И сумочка...

«Хренасе», – подумала Надежда, которая о такой сумке только мечтала.

Что касается Буровой, то она оставалась безмятежна. Киреева предположила, что неискушенная Валерия восприняла данную кожгалантерею как имитатор, купленный в переходе.

Странно, но на шум так никто и не вышел, в глубине квартиры тоже было тихо. Дамы осторожно продвинулись по коридорчику на кухню, а потом в единственную комнату, довольно просторную, кстати.

Девушка полулежала на диване, укутанная старым Надиным пледом, с закрытыми глазами и в наушниках, нитками проводов тянувшихся к портативному аудиоплееру. Ее рука безвольно повисла, почти касаясь кончиками пальцев архаичной дорожки, выполнявшей здесь роль прикроватного коврика, однако ступни ног, торчащие из-под пледа, ритмично подрагивали. Надя подошла поближе. Некоторое время рассматривала бледное личико в обрамлении рыжеватых крашенных волос, хмыкнула, а потом из одного уха наушник аккуратно извлекла.

Дашка испуганно вздрогнула и распахнула глаза. Над ней возвышалась какая-то ухоженная фрау и по-змеиному улыбалась. Блин. Кто хоть это?

– Здравствуй, деточка, – приторно произнесла фрау, – нас за тобой прислал Андрей. Ты помнишь Андрея, дорогая?

Дашка неторопливо выбралась из-под пледа и свесила ноги на пол.

«Пора вываливаться, что ли?»

Тут до нее дошло, что это, вероятно, и есть хозяйка царских хором и одновременно киреевская мамашка. Она поморщилась, кивнула торопливо, сказала:

– Я сейчас уйду. Извините, если что-то не так. Вроде, чашку я помыла, сейчас проверю. Я только чай пила и сушки ела. Но мне Андрей разрешил, можете его спросить.

Надежда хмыкнула.

– Ну ела и ела. Чашку можешь не мыть. Меня зовут Надежда Михайловна, я мама Андрея. Это моя подруга Валерия Львовна. Андрей

попросил приехать за тобой, сам он не может. Что-то там у тебя дома случилось, а мобильник твой не отвечает. Ты что, потеряла свой мобильник? – Вроде того, – сказала Дашка и отправилась в сторону санузла.

Когда они устроились с ней вдвоем на заднем сидении джипа, и Бурова порулила к выезду на шоссе, стало заметно, что девочке невесело. Девочка переживала неизвестность, и Киреева молча протянула ей свой телефон. Сначала Надежда напряглась, так как Дашка первым делом позвонила Андрею. А потом успокоилась, потому что Дашке нужен был не сам Андрей, а номер сотового, который продиктовал секретарше Верочке некто, назвавшийся родственником Врублевских.

А потом Дашка позвонила этому родственнику. Всего несколько вопросов и ответов, и отбой.

– Блин, да что же это такое... – сорвавшимся голосом пропищала Дашка, возвращая Наде мобильник, и всхлипнула.

– Что-то серьезное? – спросила Надежда сочувственным голосом. Дашка всхлипнула еще горше, ее глаза налились влагой, и, вконец умученная событиями последних дней, она все выложила андюхиной мамаше. Вообще-то Дашка человек сдержанный, не привыкла окружающих грузить, просто навалилось все сразу. Только что она узнала, что вчера, в то самое время, когда ехала в электричке к ним дачу, а может, немножко позже, когда уже сидела в тепле, отогреваясь горячим чаем, ее брату позвонили из полиции и выразили требование, чтобы он с утречка пораньше прибыл на опознание трупа. То есть, ее трупа. Нормально, а?

А требование объяснили тем, что час назад в одной из подворотен была обнаружена мертвая девчонка, убитая острым колющим предметом. И при этом в кармане ее пальто имелось редакционное удостоверение на имя Дарьи Врублевской.

С братом случился приступ. У него вообще здоровье слабое. Часто повышается внутричерепное давление, а с сердцем вообще беда, шунтирование в прошлом году делали. Он из-за этого и Дашку постоянно изводит, говорит, уходи из своего дурацкого журнала, начинай вникать, мне свой человек рядом нужен.

А не хочет Дашка вникать в его торговые заморочки! Тупо все там, не прикольно. Ей на симпозиумы прикольно ездить, на всякие бизнес-мероприятия, интервью интересно брать, а не с дурацким ассортиментом разбираться. Игорь на нее всегда злился за это.

Вообще, он хороший, Игорь, они вместе давно живут, никогда не расставались, вернее. Просто раньше с родителями жили в Редникине, это под Москвой город, а потом родителей не стало, и Игорь Дашку в Москву увез, поменял квартиру на меньшую, и перебрались они в Москву. А потом у него бизнес пошел, он новую квартиру купил, Дашка МГУ закончила, работать в редакцию пошла.

А Игорь все долбит и долбит, займись делом да займись делом!.. Достал уже. Ну вот. А вчера, когда ему про Дашку такое сообщили, он сразу сознание потерял, хорошо, что неотложка быстро приехала. Сейчас он в больнице. И Феликс говорит, что в себя пока не пришел.

Дашка все-таки заплакала. Надя погладила ее по руке.

– погоди, девочка, не расстраивайся. Съездишь в больницу, поговоришь с врачами. Может, заплатишь кому надо. Все будет хорошо, брат поправится. Ты

с этим Феликсом связь держи. Он кто тебе? Дядя?

Дашкино лицо сквозь слезы скривила презрительная гримаска.

– Да никто мне этот Зубов. Игорь с ним дружил, когда мы еще в Редникине жили. Не знаю, зачем ему такие друзья. Гнусный тип. Каждое слово с улыбочкой, и всё с подтекстом, гадости одни. Игорь считает, что у него такой юмор, саркастический. А я вижу, что сволочь. Век бы его не видеть. Он сказал, что ключи должен вернуть, поэтому придется встречаться. Они вчера с Игорем вместе ужинали у нас дома. Хотя, хорошо, что этот Табаки возле брата оказался. А то некому было бы и неотложку вызвать.

Дашка протяжно вздохнула, а Надя подумала, что вот и успокаивается девочка, выговорилась и успокаивается.

Они довезли ее до дома и, не заезжая на охраняемую территорию огромного двора, полюбовались издали на гигантскую спираль эстакады, ведущей к трехуровневому гаражу, оценили масштабы жилого комплекса и, прежде чем ехать на остаток рабочего дня руководить вверенными им подразделениями, отправились перекусить в кафешку.

Аккуратно подъезжая из фарфоровой мисочки салат «Цезарь», Киреева запоздало вспомнила, что так и не спросила свою новую знакомую, каким образом ее удостоверение попало в пальто убитой, и зачем, кстати, Андрею понадобилось везти Дашу к ним в загородный дом. А потом подумала: «Так ведь у Андрейки все и спрошу. Он мне расскажет. Наверное».

Даша знала, каким образом оказалось удостоверение в пальто убитой.

Знала и кляла себя последними словами. Ведь могла же позвонить Игорю и не позвонила!.. Всего один звонок, минутный, не больше, и с братом не случилось бы беды. Позвонить и сказать, что ксиву эту долбаную где-то потеряла, да и мобильник тоже, что домой только завтра придет, как и договаривались!

Хотя, может, и права киреевская мамаша. Поправится брат, все будет хорошо. И ни к чему тогда Игорю знать, что Дашка могла ему позвонить, должна была ему позвонить после того, как наткнулись они с Андреем на мертвую Ксюху, лежащую в темном проулке. Ну пусть не сразу, пусть позже, когда, обессилев, она закончила свой панический бег. Должна была она вспомнить про удостоверение, так и оставшееся лежать в кармашке на молнии. Даже мобильник не главное, а главное – документ. Но не вспомнила вчера об этом Даша, а если бы и вспомнила, то вряд ли сообразила, какой бедой это может обернуться.

Она всегда была немножко пофигисткой. Или тот, кто не думает, как его поступок может отразиться на близких, эгоист? Ну ладно, она всегда была немножко эгоисткой. Но не циником, нет, конечно не циником. И брата она любила.

В квартире было пусто и тихо. Дашка прошла в ванную, вымыла руки, недовольно фыркнула, осмотрев себя в зеркало, потом отправилась на кухню. Кухня напоминала кулинарный цех в дорогом ресторане. Не слишком уютно, но просторно и функционально. Здесь чаще бывали не они с братом, а их экономка, которая бойко управлялась со всей этой навороченной спецтехникой и весьма прилично готовила им еду.

Даша вспомнила, что Эльвира третьего дня приболела и вместо себя прикомандировала повара из их агентства, чтобы не страдали хотя бы от голода, ну а пыли за неделю много не наберется. Интересно, есть что пожевать? У Андрюхи в его загородной резиденции кроме сушек и сахарного

песка в керамической сахарнице и правда ничего не было.

Она обнаружила в холодильнике лоточки с чем-то мясным и вкусно пахнущим. Повеселела. Пивка бы... Нет, пока не до пива. Первым делом, звонок в клинику. Узнать, как там дела и не нужно ли чего срочно предпринять. Или все-таки поехать прямо сейчас? А толку? К нему не пустят, он в реанимации, Табаки так сказал. Хотя мало ли что сказал Табаки?.. С другой стороны, Дашка что-то такое об этом слышала, в смысле о том слышала, что если кто в реанимации, то к нему не пускают. Да и врачи все уже по домам разошлись.

И Дашка, решив, что для начала она просто позвонит в справочную больницы, отправилась искать трубку «Панасоника».

Правда, у нее в комнате должен был где-то валяться простенький корпоративный сотовый. Она его частенько забывала дома и постоянно пользовалась своим собственным мобильником, поскольку такой чепухой, как деньги на счету, заморачивалась мало.

И вот этот мобильник сейчас, скорее всего, находится в полиции.

Если мертвую Ксюху не обшмонали какие-нибудь подонки-мародеры и не присвоили Дашкин аппарат.

Даше опять стало тошно. Интересно, есть у Ксюхи родственники? Дашка даже не знает, из какого города бескрайней Сибири Ксения Ульянова приехала в Москву в поисках интересной насыщенной жизни и денег – то ли из Новосибирска, то ли из Новокузнецка.

Корпоративный сотовый нашелся довольно быстро в пузе панды, которого подарили ей на прошлый день рождения девчонки с работы. Они тогда прикольнолись, что в его напузном кармане удобно припрятывать презервативы, и все ржали, но Дашка только притворялась, что ей смешно.

Парня тогда у нее не было, да и сейчас тоже нету.

Но лучше все-таки найти трубку. Вечно Игорь ее засовывает куда попало, а сваливает на нее, на Дашку. Если и в кабинете она ее не обнаружит, то тогда просто наберет с мобильного свой домашний номер и пойдет на звук.

Она не проделала и половину пути, как трубка сама дала о себе знать. Ее сиплое пиликанье донеслось откуда-то со стороны холла, сама же трубка была обнаружена среди перчаток в нише тумбочки, стоящей у зеркала. Дашка трубку схватила, вглядываясь в дисплей определителя. Номер был незнакомый.

Оказалось, звонят из полиции. Вот блин, докопались.

Звонивший дядька представился длинно, Дашка не успела разобрать и запомнить. Попросил к телефону ее, Дашку, и задал тот самый вопрос. Не может ли Дарья Павловна ответить, хотя бы предположительно, кому в последнее время она отдавала свое редакционное удостоверение и мобильный телефон? А если эти предметы были ею утеряны, то не могла бы она сообщить, когда и при каких обстоятельствах.

Ей очень не хотелось говорить – кому, а, наоборот, хотелось сочинить какие-нибудь обстоятельства. Но она подумала, что тогда Ксюха так и будет в полицейском морге значиться, как неизвестный труп, и Ксюхины родители никогда не узнают, как именно их дочь погибла. И не заберут ее тело, и не похоронят.

Она вяло рассказала историю с переодеванием, добавив, что с работы они вышли вместе, а потом Ксения свернула во дворы, после чего Даша ее не видела. Она чуть было не забыла спросить, а в чем дело. Но сообразила, что

спросить все же надо. Вопрос вышел какой-то неуверенно-вымученный, но полицейский чин, кажется, этого не заметил. Ответил коротко, что был обнаружен женский труп, что сначала решили, что это труп ваш, извиняюсь, Дарьи Врублевской, по документам, а сегодня утром точно установили, что это не так. Поэтому вот звоним, проясняем ситуацию. Потом чин поблагодарил за помощь и предупредил, что, возможно, она им еще понадобится. Дашка помочь согласилась и повесила трубку.

«Нужно сейчас Кирееву позвонить и предупредить, – подумала она, – может, всех в редакции теперь будут расспрашивать. Но сначала в больницу».

Зажав трубку в руке, Дашка направилась в игорев кабинет. Там на его огромном письменном столе стоит большой монитор, она включит мощный компьютер и найдет в Интернете телефоны справочной службы больницы. И, наконец, туда позвонит.

Дашка открыла дверь кабинета и застыла от неожиданности на месте.

Потому что в узком проходе между Игоревым письменным столом и стеллажом с книгами спиной к Дашке уверенно и споро просматривал содержимое томов то ли Бальзака, то ли Теккерея их временный повар. Он откладывал одну книгу и брал в руки следующую, раскрывал ее кишками вниз и тряс над столешницей, а затем брался за новую. Сбоку от него уже высилась приличная стопка отбракованных книг.

Более нелепого и возмутительного зрелища Дашка увидеть не могла.

– Ты что здесь делаешь, урод? – взвилась она, а когда повар к ней обернулся, продолжила свой глупый наезд: – Вали отсюда живо, ты понял? Ты вообще уволен! Я прямо сейчас в полицию звоню!

Повар был примерно ровесник Игоря, лет под сорок, но какой-то мужланистый. Да и фиг с ним, главное, чтобы готовил прилично и подавал вовремя. Другой отличительной чертой сменного повара была немота. Слышал он нормально, а вот речевой аппарат не действовал. По какой причине – и Игорю, и Дашке было неинтересно.

Немой повар по имени Слава положил на стол толстый том Генриха Манна, который до этого собирался подвергнуть то ли обыску, то ли досмотру, а потом тяжелыми шагами обошел письменный стол. И схватил Дашку за локоть. Больно схватил и как-то безжалостно. Дашка пискнула, дернувшись безо всякого результата. До нее, наконец, дошло, какая же она дура.

– Сейчас сюда придут, – пропищала она ему в живот, когда он толкал ее кресло, стоящее возле двери.

– Значит так, слушай сюда! – сипло пролаял ей в лицо их временный немой повар, и это было страшнее всего. – Сейчас ты мне расскажешь, куда ты дела одну вещь. Иначе...

Твердая, как разделочная доска, ладонь отвесила Дашке увесистую пощечину.

– Ну и денек, – устало пробормотала Надежда Михайловна, после того, как дверь за полицейским оперуполномоченным была закрыта на два замка и щеколду. Она проверила запоры и прошла в спальню. Плюхнулась в кресло. Как была в твидовой «двойке», так и плюхнулась. Есть расхотелось. Нужно Андрюху накормить. Иначе он за своим компьютером до трех утра просидит, а потом примется потрошить холодильник, пальцами выуживая со сковороды холодные котлеты.

Но Надя не пошла в комнату сына. Ей хотелось подумать. Сейчас она посидит минуточку, соберет мысли в кучку, а потом уж приступит к обязанностям. Ужином займется, стиркой, глажкой, уборкой... Хорошо, что уроки проверять уже не нужно.

Опер пожаловал всего минут через пять после того, как Надежда пришла с работы. Она только и успела, что скинуть сапоги и повесить в шкаф дубленку. Видимо, поджидал ее в засаде, прячась в подъезде напротив или сидя в каком-нибудь невзрачном авто.

Он позвонил, она спросила через дверь: «Кто?»

Он сказал, что он из полиции, она сказала: «Вызывайте повесткой». Угу, я сейчас тебя впусти, а ты окажешься маньяком или грабителем.

Он сказал: «Надежда Михайловна, а вы позвоните в отделение, вам подтвердят».

Она спросила: «Фильм «Рожденные революцией» смотрели?»

Он вздохнул тяжело. Похоже, смотрел.

«Значит, мое удостоверение вас тоже не убедит?» – даже не спросил, а как бы констатировал опер. Надежда хмыкнула. Да в любом переходе метро... Тем более, что дверь на цепочку она открывать не станет. Знаем мы эти бокорезы из легированной стали.

Она не ждала полицию, не вызывала неотложку и не заказывала пиццу на дом. Зачем же ей тогда открывать дверь своей квартиры? Даже если Андрейка дома?... Она откроет для одного опера, а ввалятся четверо головорезов. Рисковать жизнью сына она не желала. Да и своей, кстати, тоже. Но опер, набрав побольше воздуха в легкие, реванул в голос на радость соседям: «Инесса Николаевна Киреева вам кем приходится?», и Надя открыла. Не потому, что разволновалась из-за Инессы, а просто поняла, что он и вправду из полиции, и еще ей немного стало беспокойно. Из-за Инессы.

Вчера, когда после тяжких выяснений, вылившихся в вульгарный бабий скандал, Надежде удалось ее вытолкать на лестничную площадку, Инка отправилась домой даже более взбешенной, чем явилась к ней на разборку. Скандал не принес ей ни облегчения, ни каких-либо практических результатов, если она на них вообще рассчитывала. Только сорванные голосовые связки. И вот оперуполномоченный по ее душу. Может, пришила Инка какого-нибудь несчастного гастарбайтера-таджика, когда вчера вечером, кипя злобой, возвращалась в свое Бибирево? Или руки на себя наложила, а в записке предсмертной написала, что довела ее до этого страшного дела братова жена? Надежда почти угадала. Но поверить во все захотела не сразу. Инка, конечно, зараза, но все же своя. Со своими такое не происходит. Только с чужими и только в кино.

Опер Кутузов Сергей Михайлович, тридцати четырех лет от роду, сотрудник районного ОВД и лейтенант, хотел лишь задать Надежде свои вопросы и получить на них ответы, по возможности – подробные и правдивые. Но, на минуточку, этот фокус может пройти с кем угодно, но только не с Киреевой Надей. «Вопросы здесь задаю я», – подумала Надежда, и он сам не заметил, как раскололся.

Она узнала, что самоубийство действительно имело место быть, только не гражданки Киреевой Инессы Николаевны. Инесса как раз жива и относительно здорова. А покончила собой некая Шевчук Галина Васильевна, практикующий психотерапевт и хозяйка какого-то там оздоровительного центра,

интерьер которого сильно смахивал на кружок детского творчества и лавку ужасов одновременно.

Обнаружили труп сотрудники санитарно-гигиенической службы, проводившие в закоулках бизнес-центра операцию по зачистке. Труп едва заметно покачивался, подвешенный на веревке в мрачном помещении, которое опрошенные пациентки Шевчук почему-то называли учебным классом. Но эта веревка не была принесена самоубийцей специально и заранее, а была принадлежностью здешнего интерьера, наряду со склянками, где плавали в формалине синеватые трупы инопланетян, и хрустальными штофами, наполненными чем-то рубиновым и вязким.

Как показал опрос, данная веревка являла собой некий символический атрибут, служащий процессу психического оздоровления, но что именно атрибут символизировал и как, собственно, был призван оздоравливать психику, опрашиваемые отвечали сбивчиво и невнятно.

Веревка имела вид несколько нарочитый, была толстой и ослепительно белой и крепилась к потолку посредством массивного готического крюка. Свисающий ее конец был завязан в скользящую петлю, хищно поджидающую своего висельника. Выходит, не напрасно поджидала. А рядом колесиками кверху валялся стул, надежный помощник самоубийц-удавленников.

Было также установлено, что «оздоравливались» у нее только женщины и только женщины старшего возраста – пред- и постпенсионного. И все они ходили сюда, чтобы получить прививку от старости. Казалось бы, ну и что? А то, что Галина Шевчук не являлась дипломированным законопослушным геронтологом, активно предлагающим своим подопечным вести здоровый образ жизни и под шумок втюхивающим им дорогие средства, которые лекарственными не являются, вряд ли помогут, но точно не повредят. Галина Шевчук сумела привлечь в свой центр немалое число паникующих в виду надвигающейся старости женщин, успешно спекулируя на выдуманной ею аксиоме, суть которой состояла в том, что старение женского организма излечимо, обратимо и приговором не является. Надо заметить, что подобные демагогии отнюдь не новы. Однако средства, которыми Галина Васильевна предлагала воспользоваться желающим заняться проблемой своей старости вплотную, позволили ей получать неплохие дивиденды.

Кстати сказать, предлагаемые приемы самоисцеления пациентки воспринимали благосклонно и с энтузиазмом, поскольку те казались им справедливыми и вполне логичными. Это дополнительно укрепляло стареющих дам во мнении, что данная методика верна и на практике должна сработать. Справедливость методики Шевчук состояла в том, что дефицит молодости можно восполнить, отобрав некую часть «жизненной силы» у того, кто располагает ею в избытке. То есть, у более молодого и сильного существа. Но как это сделать? Элементарно, гениально, просто! Если существо испытает внезапный испуг, то произойдет спонтанный и неконтролируемый выброс той самой тонкоматериальной субстанции, которая так необходима для инициации выздоровления от любой самой тяжелой болезни, в том числе и от старости. Эманация должна быть тут же уловлена, поглощена и усвоена нуждающейся стороной.

Более всего в качестве донора, по учению покойной Шевчук, подходит девица в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет, у которой этой субстанции хватит на четверых. Девица, естественно, не в физиологическом

смысле, а всего лишь в возрастном. Где сейчас найдешь в восемнадцать лет «девицу»? В сибирском скиту?

Алгоритм процедуры прост: приблизься, напугай, поглоти, уходи. И молодежь. Та, которую напугала, все равно скоро все забудет и заживет обычной жизнью. Вполне гуманно и даже изящно. На худой конец, потянет на мелкое хулиганство, да что со старой женщины возьмешь?

Но не все так складно.

В предсмертной записке, которую оставила Шевчук, она признается, что в частных беседах с пациентками советовала им не просто лаять в ухо ничего не подозревающей выходящей из-за угла девахе, а воздействовать физически, иными словами – наносить жертве раны, пустяшные, но внезапно. И затем развивала мысль далее, намекая, что *при умерщвлении* «донора» выброс жизненной силы будет громаден и настолько мощен, что «акцептора» ждет моментальное омоложение чуть не на двадцать лет с постоянной положительной динамикой. При этом Шевчук усиленно подчеркивала, что без специальной методики, которой владеет только она сама, и без определенных медитационных формул, которые, опять же, известны только ей одной, все это будет вульгарным убийством, которое оздоровительного эффекта не даст, а лишь испортит биографию, и рекомендовала удерживаться в рамках и довольствоваться малыми «уколами».

Непонятно, была ли это глупость метрессы, болезненное тщеславие или ее накрыло весеннее обострение, но, кажется, кое-кто из ее пациенток наживку заглотил, и ритуальное убийство все же произошло. По непонятному совпадению в день самоубийства Шевчук, только несколькими часами раньше, была убита молодая девушка без видимых мотивов и причин. Нашлись свидетели, которые видели, как некая особа в бесформенной одежде появилась из прохода между домами, где впоследствии и был обнаружен труп, выбежала во двор, а затем сняла с себя дождевик и больничные бахилы и все это тут же сунула в мусорный контейнер. И моментально с места событий смылась. Эти предметы в контейнере впоследствии были обнаружены. Как выяснилось, они были со следами крови жертвы. И, по словам все тех же свидетелей, суежилась возле контейнера «нервная пенсионерка». Когда она стаскивала с себя свой «защитный костюм», капюшон пальто съехал ей на затылок. Но об этом немного позже.

Итак, с самоубийством психологини все ясно и понятно. Это действительно самоубийство. Встала на стульчик, просунула голову в петлю, потом стул оттолкнула ногами. Вписывается в привычную картину как способ, так и мотив. Записку предсмертную, опять же, на принтере своем распечатала и не поленилась все подробно объяснить, спасибо ей огромное за это от лица их отделения полиции. Но не по этому поводу пришел беспокоить гражданку Кирееву оперуполномоченный лейтенант Кутузов. А вот по какому.

Дело в том, что к той предсмертной записке, видимо в качестве бонуса органам внутренних дел, покойная Шевчук Галина Васильевна прикрепила список своих пациенток, а также их отчеты, то есть, где, когда и какое конкретно «домашнее задание» дамы выполняли. Обнаружились некие совпадения по прошлым инцидентам. В течение января-февраля было зафиксировано несколько немотивированных хулиганских нападений на улице, а конкретно, был случай, когда студентке в подворотне плеснули в лицо соляную кислоту, был инцидент с попыткой удушения в подъезде жилого дома, тоже студентки, а

еще одной потерпевшей, продавцу-кассиру из «Макдоналдса», пытались резать лицо, однако все это не складывалось в общую картину. Конечно, в отделениях удивлялись, что хулиганят именно старухи, но это были разные старухи, и происшествия случались в разных концах города. Теперь после этого самоубийства все похожие дела подняли и пытаются как-то объединить. В списках пациенток Галины Шевчук имеется и Инесса Николаевна Киреева.

– И это точно родственница вашего мужа, а не ее полная тезка. Мы проверили рабочий компьютер покойной Шевчук, в базу вбиты и прочие анкетные данные, – подвел черту опер Кутузов.

– Ну и что? – спросила с вызовом Надежда, хотя примерно что-то такое она и ожидала услышать. – Она не имеет права посещать оздоровительные тренинги? Или вы имеете что-то на нее? Она тоже кого-то облила купоросом?

– Да нет, не облила. Впрочем, не знаю, может и обливала кого-то. Я же вам объяснил, что произошло убийство. Колотая рана в сердце была нанесена девушке, которая по документам... ну, это неважно. Короче, нам удалось выяснить кое-какие подробности данного преступления. Так вот, во-вторых, на месте убийства обнаружен рекламный буклет того самого «Центра».

– А во-первых? – спросила лейтенанта полиции Надежда, уже предчувствуя гадость.

– А во-первых, я же говорил, есть два свидетеля, которые видели убийцу. Правда издали и в свете фонарей, но тем не менее оба с уверенностью показали, что это рослая пожилая женщина с черными, вероятно, окрашенными в черный цвет волосами.

– Таких по Москве тысячи, – уже не очень уверенно проговорила Надя.

– Точно, – легко согласился опер. – Осталось убедиться, что у вашей родственницы есть алиби, и я вас оставлю в покое. Поздно уже. Я вообще-то ненадолго планировал.

– А как я могу помочь с ее алиби? Мы редко встречаемся, и я совершенно ничего не знаю о ее жизни.

– Отнюдь, – оживился опер, – Подозреваемая Киреева...

Надежда вздрогнула.

– Подозреваемая гражданка Киреева уверяет, что вчера вечером приезжала к вам и гостила довольно долго. Вы это можете подтвердить, гражданка Киреева?

Надежда несколько запуталась в «гражданках Киреевых», и механически кивнула, соглашаясь.

– И во сколько это было, можете уточнить? – продолжал работать опер.

– Конечно. В половине восьмого она была уже здесь. Это могут подтвердить соседи через стенку. У Инессы Николаевны голос очень... пронзительный. Кстати, мы по телефону с ней еще разговаривали до того, как ей приехать. Это алиби?

– Не совсем, – задумчиво проговорил лейтенант.

– Почему? На какое, собственно, время ей алиби нужно?

– Убийство девушки произошло около семи часов вечера. Чисто гипотетически ваша родственница могла зарезать потерпевшую и потом приехать к вам пить чай.

– Глупости. Мы же с ней по телефону в это время говорили. Я в семь вечера как раз от мужа пришла, он у меня сейчас в больнице.

– А звонила она вам откуда?
– Из дома, конечно. А какое это имеет значение?
Опер завис, соображая.
– Иными словами, за тридцать минут ей удалось добраться к вам с улицы Плещеева? Она же на Плещеева живет, так?
Надя молчала. Помедлив ответила:
– Возможно, я ошиблась со временем. Возможно, я пришла домой раньше. Вчера был такой суматошный день...
– Так это же легко проверить! – с деланным добродушием воскликнул лейтенант. – Ваш мобильничек можно?
– А она мне, кажется, на домашний звонила... – замялась Надежда. – И сунула я куда-то мобильник...
– Гражданка Киреева, – сдвинул брови лейтенант, – сумочку свою проверьте. Или это мне проделать?
Надежда со вздохом приподнялась со стула и отправилась в прихожую. Опер потащился за ней. Вот зараза.
– Ну вот, – произнес он удовлетворенно, понажимав на кнопки ее «Нокии», – вот он этот звоночек, видите? В девятнадцать ноль семь она вам позвонила. Алиби, значит, отсутствует.
Лейтенант остался доволен разговором.
И вот Надежда – нет. Сидит теперь в супружеской спальне и не может собрать мысли в кучку.
Вляпалась, выходит, Инка, доигралась. «Зато теперь она будет молодеть, – со злой иронией подумала Надежда, – неуклонно и с положительной динамикой. Получается, что не вляпалась она вовсе, а добилась своего».

Приоткрыл дверь спальни и просунул голову Андрей.
– Приветик, ма. А кто это к нам приходил? А есть чего пожевать?
– Котлетки будешь? Иди, мой руки.
– Зачем это? – привычно дурачился Андрюха.
Надя устало улыбнулась. Вспомнила его маленького. Крошечного, только из роддома. Орущего и беспомощного. И себя, беспомощную и чуть не плачущую. Она ничего не умела с этими младенцами. И мамы не было рядом. И никого. Усталость и недосып тогда были не самым страшным ужасом. Настоящим ужасом был беспомощный и орущий Андрейка. Как пеленать, как купать, как все остальное? И когда? И как все успеть?
На второй день этого кошмара в квартиру без звонка ввалилась Инесса. Сразу же отобрала телефонную трубку, в которую пустоголовые подружки грузили ее вопросами о том, много ли у нее появилось растяжек на пузе и попе и когда она теперь сможет выбраться в парикмахерскую. Потом велела дать грудь сыну, пожрать самой, быстро сцедиться, лечь поспать хотя бы на час. Разбудила, накормила, велела дать сыну грудь... И так три дня. Всего-навсего три дня. Одновременно изводя упреками, что взяла эти дни за свой счет. Зудела, что могла бы провести их получше. Но – стирала и гладила пеленки, ругалась по телефону с Кириллом, добиваясь, чтобы тот пришел с работы вовремя и по дороге купил молока и картошки, сама ходила за молоком и картошкой, а потом учила Надю постригать младенцу ногти и чистить от козявок нос.
Если бы не те три волонтерских дня, что было бы с Надей? Не погибла

бы, конечно. Но все же, что с ней тогда было бы? Потом она узнала случайно, что бездетная Инесса всю премудрость общения с новорожденными выудила из книг, а что-то и от теток из техбюро, с которыми вместе работала, а что-то от соседок по дому, в котором жила. Зачем ей это было нужно? Может, надеялась, что самой когда-то пригодится? А вот Надя не беспокоилась ни прочитать, ни разузнать, хотя времени для этого у нее было аж восемь месяцев с хвостиком. Потом Инка у них почти не появлялась. Изредка брала племянника к себе на передержку, при этом отнюдь не демонстрируя восторгов, а напротив, демонстрируя сарказм и иронию. Но, как догадалась Надя, это была маскировка и самозащита. Чтобы, увидев ее умильную рожу, не сказали в спину с насмешливой жалостью: «Ну а как иначе? Своих-то нет».

В отношениях между Надеждой и Инессой ничего не поменялось. Инесса все так же недолюбливала невестку, а та старалась пореже к ней ездить в гости и пореже приглашать к себе в дом. Если только Кирилл не настаивал слишком серьезно.

Тот Инкин странный поступок со временем выцвел и почти стерся из памяти, утонув в крапивных зарослях взаимных обид и склок. И Наде уже не хотелось выспрашивать Инку, зачем и почему та решила прийти тогда к ней на помощь. Да было ли это? Не помню.

И вот теперь эта молодящаяся карга попала в серьезный переплет. Что ж, как говорил классик, человек за все платит сам. Будь Инесса нормальной бабой, а не злобной мегерой, не зацепила бы ее идея-фикс о том, что можно вернуть молодость за счет чьей-то жизни. И хватит об этом. Пора ребенка ужином кормить. И Надя побрела на кухню.

Она позвонила, когда Надежда после ужина мыла посуду. Пролаяла, не поздоровавшись:

– У меня проблемы. Если мне придется уехать, забереешь кота. А то подохнет.

У Инессы имелся дымчатый перс-восьмилетка по кличке Эдуард, которого любящая хозяйка попеременно называла то Эдичка, то Эдинька, а то Эдюня. Эдюня был настоящей сволочью, но Надя его уважала. За постоянство в этом качестве.

Инесса коту прощала все. Даже то, что он мог подойти к ней сзади и тяпнуть за голую лодыжку, если вместо любимого минтая обнаруживал в своей миске путассу. Озверевшая Инесска принималась гоняться за ним по всей квартире с веником на перевес, но Эдичка знал точно, что это просто фарс. Когда ему бегать надоедало, он усаживался на пухлую задницу и нагло смотрел ей в глаза, как бы спрашивая с издевкой: «И что дальше?» Инесса трясла веником в воздухе, топала ногой, возмущенно восклицала: «Ты что, сдурел, скотина?» или что-то в этом роде, и в конечном итоге удалялась ставить веник на место, делая вид, что здорово его наказала.

Он мастерски исполнял обычные кошачьи трюки, например, запрыгивал с разгона на тюлевые занавески, а потом повисал на них шестикилограммовой тушей, вцепившись когтями и оставляя в шелковой ткани испорченные длинные раны. Но мог изобрести и что-нибудь свое. К примеру, ему нравилось забираться на дно только что отдраенной ванны, чтобы всласть поблевать именно там, нажавшись проросшего овса. Он знал много других фокусов, этот Эдичка, но одна его выходка побила даже его собственные рекорды.

Года три назад Инка предприняла очередную попытку наладить личную

жизнь. Попытку звали Леонид Витальевич, а может, Леонтий Викторович, не важно. Он был, кажется, экспедитором в сетевом магазине электроники, это тоже не важно. Важно, что Эдичка его стойко невзлюбил. Каждый раз, когда ЛВ появлялся у них на пороге и, переобувшись в плюшевые тапочки, направлялся пить чай и перелистывать альбомы с репродукциями шедевров Лувра или Третьяковки, его уличная обувь бывала подписана едкой кошачьей мочой до тонких струек из дырочек для шнурков. Чтобы избежать подобного казуса в очередной раз, Инесса, скрепя сердце, сунула кота на антресоль в прихожей, рассыпаясь перед жирной скотиной в извинениях и обещая много вкусной кошачьей жратвы. Чаепитие прошло на высоте, так как с возрастом Кириюшина сестра поумнела и не бросалась с критикой на претендента, а ждала штампа в паспорте, чтобы потом оттянуться. В конце вечера экспедитор Леонид, выйдя в прихожую и надев совершенно сухие штиблеты, склонился над ручкой своей феи, чтобы запечатлеть прощальный поцелуй. Он был несколько манерен, этот экспедитор. В этот момент дверь антресолей с легким шорохом приоткрылась, и за шиворот кавалера потекла тонкая желтоватая струйка.

В конечном итоге с этим аристократом Инессе тоже не удалось наладить личную жизнь, но надо отдать должное обоим: и коту, и экспедитору, – данный случай был тут совершенно не при чем.

– Переноска у меня есть. Я тебе позвоню, когда за ним нужно будет приехать, – скрипуче напомнила о себе Инесса. – Я бы к тебе не обращалась, будь уверена, но кота жалко.

– У меня аллергия, – быстро ответила Надежда, а потом всполошилась: – А ты куда собралась?

– На кудыкину гору. Тебе-то зачем? Кота забереешь? Или сюда приезжай кормить. Респиратор одень, и ничего с тобой не случится.

– Да хоть противогаз! – привычно сорвалась Надежда. – Если бы я мечтала кормить котов, я завела бы себе собственного. У меня аллергия, и тебе об этом хорошо известно. Возьми его с собой, куда ты там собралась, раз у тебя есть переноска, и корми сама.

– Ну удави его тогда, чтоб хотя бы не мучился, – спокойным тоном выговорила дикое Инесса.

И тут до Надежды дошло.

– Тебя что, в тюрьму забирают? А, Инн?

Инесса тяжело задышала в трубку, потом глухо завывала. Наде стало страшно. Она закричала:

– Инка, ты что?! Прекрати сейчас же! Никуда тебя не заберут, у них улики нет!

Инка замерла на той стороне Москвы и спросила враждебно, с истерикой:

– Ты-то откуда все знаешь, а? Заявлялся к тебе уже молодой, красивый?

И что ты ему наплела? Говори живо! Небось сказала, что не было меня у тебя вчера вечером? Как же на тебя это похоже, как похоже! Отомстила? Довольна теперь?

– Инна, успокойся, – строго проговорила Надежда, стараясь, чтобы гнев по накатанной дорожке не взорвал ее череп изнутри и не помешал здраво и трезво поговорить с невесткой. Или с золовкой? – Расскажи мне про этот ваш салон. Или центр, как там он, я не поняла... И не забудь сказать, откуда ты мне позавчера звонила.

– Зачем? – в голос застонала Инесса. – Отстань от меня, мне и так

тошно...

– Расскажи, – с напором повторила Надя, и Инка послушалась.

В тот вечер дурында готовила «операцию». Ей хотелось, чтобы метресса и ее тоже назвала «настоящей боевой сколопендрой». Это она так хвалила. Она говорила жестко своим курсисткам: «Вам нечего делать здесь у меня, если вы не спите по ночам из-за того, что обидели невестку. Вы должны стать настоящими боевыми сколопендрами, лишь тогда вы сможете добиться цели». Все дамы из Инкиной группы уже выполнили по одному тестовому заданию, а она никак не могла решиться. Не из жалости к донору, отнюдь. Просто Инке хотелось не прогадать. Чтобы уж донор, так донор, чтобы кровь с молоком, а не донор! А кроме того и ситуацию нужно было подготовить, и средство для вскрытия «бреши». Со средством Инесса тоже колебалась. То ли пакет полиэтиленовый на голову донору набросить, то ли приставить к горлу лезвие ножа. Естественно, пакет должен быть дырявый, а нож из мягкого пластика, чтобы ненароком и вправду девку не прикончить. Однако если набросишь ей на башку пакет, то можно эманацию проворонить. Тонкая субстанция должна пробиться через глаза, а глаза-то как раз будут от Инессы отгорожены. А нож... Страшно все же с ножом, хоть и пластмассовым. Мало ли. Вдруг дурная девка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.